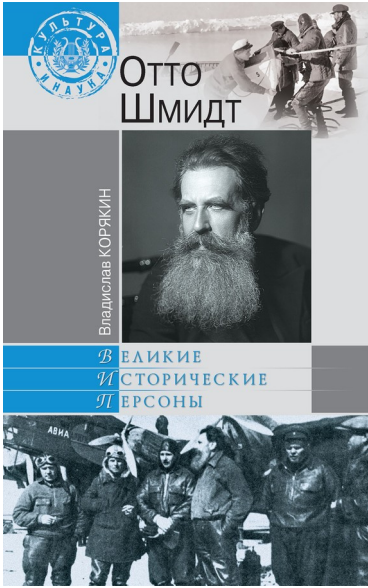

Владислав Сергеевич Корякин
Отто Шмидт
Серия «Великие исторические персоны»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5973248
Корякин, В.С. *Отто Шмидт* : Вече; Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-5770-8

Аннотация

Знаменитый полярник, директор Арктического института, талантливый руководитель легендарной экспедиции на «Челюскине», обеспечивший спасение людей после гибели судна и их выживание в беспрецедентно сложных условиях ледового дрейфа... Отто Юльевич Шмидт – поистине человек-символ, олицетворение негибаемого мужества целых поколений российских землепроходцев и лучших традиций отечественной науки, образ идеального ученого – безукоризненно честного перед собой и своими коллегами, перед темой своих исследований. В новой книге почетного полярника, доктора географических наук Владислава Сергеевича Корякина, которую «Вече» издает совместно с Русским географическим обществом, жизнеописание выдающегося ученого и путешественника представлено исключительно полно. Академик Гурий Иванович Марчук в предисловии к книге напоминает, что О.Ю. Шмидт был первопроходцем не только на просторах северных морей, но и в такой «кабинетной» науке, как математика, – еще до начала его арктической эпопеи, – а впоследствии и в геофизике. Послесловие, написанное доктором исторических наук Сигурдом Оттовичем Шмидтом, сыном ученого, подчеркивает столь необычную для нашего времени энциклопедичность его познаний и многогранной деятельности, уникальность самой его личности, ярко и индивидуально проявившей себя в трудный и героический период отечественной истории.

Содержание

Предисловие[1]	4
Вместо введения	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владислав Корякин

Отто Шмидт

Предисловие¹

Я являюсь представителем того, тогда еще очень молодого поколения, которое впервые встретилось с О.Ю. Шмидтом, только начиная свой путь, и Отто Юльевич сыграл в моей биографии весьма немаловажную роль. Но прежде всего о самом О.Ю. Шмидте. Конечно, это был совершенно выдающийся, я бы даже сказал, гениальный человек. Почему он был гениальным человеком? Потому что он был первопроходцем, это был человек, который открывал целые пласты науки и научно-технического прогресса. Я не знаю такой сферы, где бы он ни приложил свой глубокий ум и талант – или к решению какой-либо проблемы, или сам непосредственно инициировал создание новых направлений науки. Возьмите математику: мне, как математику, всегда страшно imponировало, что первые результаты по абстрактной теории групп, которые сыграли выдающуюся роль не только в развитии науки в нашей стране, но и стали известны всюду, во всем мире, на них ссылались выдающиеся ученые, математики, учились по ним, – так вот эти основы были заложены О.Ю. Шмидтом. Он начал именно с математики, но жизнь быстро переместила его на новые проблемы. Может быть, второй проблемой, которая действительно его волновала, стало образование, подготовка кадров, и он еще с самого начала, когда работал в Наркомпросе, Наркомпроде и других организациях только начинающей жить нашей молодой республики, уделял этому свое внимание, прилагал свои силы и способности в области образования.

Но потом О.Ю. Шмидт занялся Арктикой. Он был, как вы знаете, директором Арктического института, и уже там, по-видимому, у него созревали далекоидущие планы покорения Арктики человеком. Но вот – пожалуй, это я помню хорошо, я был школьником – ледокол (трудно, правда, сказать, ледокол это или нет) «Георгий Седов» бороздил бассейн Карского моря, и там впервые открывались острова и структуры Карского моря, и было показано впервые – и опять говорю, впервые показано О.Ю. Шмидтом, – что можно исследовать Северный Ледовитый океан и его окрестности с помощью той техники, которая в то время была. А потом – я думаю, что это всем нам памятно, – экспедиция «Сибирякова», которая знаменует первый, уже действительно первый крупнейший поход. Из Европы к Тихому океану фактически был проложен Северной морской путь. Затем... О.Ю. Шмидт возвращается к Северному морскому пути, уже проводя эсминцы с запада нашей страны в Тихий океан.

И наконец, я думаю, что самая выдающаяся эпопея – это эпопея челюскинцев, когда уже не ледокол, а обычный пароход пытается прорваться через льды, сквозь огромные торосы по Северному Ледовитому океану. «Челюскин» затонул, вы знаете это, но 104 человек были спасены, в первую очередь благодарю мужеству руководителя экспедиции О.Ю. Шмидта.

Я не могу не вспомнить следующий этап его деятельности, когда он освоил Северный полюс. Ведь это была первая научная воздушная экспедиция, когда была произведена высадка, первый десант наших ученых на Северном полюсе, и появилась станция «Северный полюс-1». С тех пор уже много-много лет мы имеем систему, которая была открыта практически О.Ю. Шмидтом.

¹ Вступительное слово президента Академии наук СССР академика Гурия Ивановича Марчука на заседании, посвященном столетию со дня рождения О.Ю. Шмидта (1991 г.).

И наконец, я, как аспирант Геофизического института, – который, как известно, родился из Института теоретической геофизики, организатором которого был О.Ю. Шмидт, – посещал его семинары на совершенно уникальную тему – космология, космогония, как по-всякому ее называли, где О.Ю. Шмидт продвигался буквально как танк, чтобы свои идеи внести в построение модели Солнечной системы. На эти семинары ломились люди из разных учреждений нашей страны – это были геофизики, геологи, это были и мы, аспиранты, которые стремились вобрать что-то новое.

И вы посмотрите: – если всё это себе представить, этапы пути, грани его, огромные заслуги этого легендарного человека, которые были отмечены наградами, то мы увидим действительно уникальную личность, исследователя и ученого. Человека, который всегда хотел что-то новое – и открывал, а потом подкрепляли его всё новые и новые люди, таким образом, он поднял очень много направлений. Да и вице-президентом Академии наук он был два или три года. Это говорит о том, что его реноме как ученого – не только как полярника, исследователя было высоким.

В заключение хочу сказать, что мне повезло с Отто Юльевичем встретиться в 1954 году. В то время он был, если я не ошибаюсь, заведующим отделением геофизики в Московском государственном университете. Я работал в Географическом институте, и О.Ю. Шмидт пригласил меня домой на чашечку чаю и предложил мне работать в его отделе. На меня, еще очень молодого человека, знакомство с легендарной личностью произвело потрясающее впечатление. О.Ю. Шмидт был совершенно удивительным человеком – деликатный, интеллигентный, тактичный, умный. Он предложил мне перейти. Я только что закончил кандидатскую диссертацию и согласился с удовольствием. Через полгода меня избрали доцентом. Я помню, как он позвонил сам, лично, поздравить меня и сказал: «Мы ждем вас на работу». Но через три недели было решение правительства, и меня отправили совсем в другое место – в лабораторию, где я долгих девять с половиной лет занимался атомной энергией. Я очень пожалел, что пересечение наших путей было столь коротким, но я увидел и убедился, что природа рождает таких великолепных людей. Я бы считал, что это был гениальный человек, который всегда что-то открывал, всегда что-то искал и оставил неизгладимый след в науке и в развитии производительных сил нашей страны. Я думаю, что мы долго будем помнить его. Придут будущие поколения и будут помнить вклад О.Ю. Шмидта в этом большом созидательном труде.

Г.И. Марчук

Вместо введения Почему именно О.Ю. Шмидт?

В первых числах сентября 1956 года автор этих строк в составе небольшого отряда, направлявшегося с целью рекогносцировки на один из арктических архипелагов, оказался на Диксоне, который в те годы нередко называли столицей нашей западной Арктики. Мы жили в гостинице в ожидании самолета, осваиваясь с новой, непривычной обстановкой, и в свободное время, прогуливаясь, пытались постичь окружающую арктическую реальность, знакомую только по книгам и фотоальбомам. Все мы были новичками – полярниками нам предстояло только стать... Однажды на такой прогулке мы услышали целый хор судовых гудков многочисленных сухогрузов и ледоколов, стоявших на якорях в проливе, который отделял остров от материка. Вскоре к ним присоединились сирены из поселка на материке и в обсерватории. Определенно происходило нечто необычайное, и мы направились в гостиницу, готовясь к самому худшему, ибо холодная война еще не закончилась. Проходя мимо обсерватории, мы увидали вывешенный флаг в обрамлении черных траурных лент и в ответ на наш недоуменный вопрос услышали:

– Шмидт умер...

Один из нас решил уточнить:

– Тот самый?

Человек, к которому был обращен вопрос, лишь выразительно покрутил пальцем у виска, сплюнул, и, смерив нас взглядом, поинтересовался, давно ли мы с Большой земли. Удовлетворившись ответом, он лишь бросил на ходу:

– Тот самый, и другого не будет...

Продолжение этой «темы» ожидало нас в гостинице. Скорбь «старичков» довоенного призыва Главсевморпути, пребывавших в возрасте преимущественно около полувека, была вполне искренней и сердечной. Это было тем удивительнее, что Шмидт покинул Арктику почти двадцать лет назад! Здесь его помнили и, я бы сказал, почитали, – это было очевидно. Не слишком светские поминки сопровождались лавиной воспоминаний о покойном, с такими деталями и ситуациями, о которых было невозможно узнать со страниц официальных изданий. Запомнилась не вполне трезвая, но прочувствованная речь одного из ветеранов, обращенная к присутствующим:

– Да, ребята! Считайте, нам крупно повезло, потому что нами в ту пору командовал «и академик, и герой, и мореплаватель...», жизнь которого – сплошное приключение. Он прошел и огни, и воды, и медные трубы, и даже волчьи зубы и оставался Шмидтом всю жизнь. Очень нам повезло, и вот им (последовал кивок в нашу сторону) уже как придется... Может, они ребята и неплохие, но почему фунт полярного лиха еще полной мерой не отведали, не узнали, что почему на нашей полярной службе... Сейчас они выбрали Арктику, а Арктика им своего слова не сказала, а уж мы-то точно знаем, что последнее слово за ней... Всякое в нашей полярной службе бывало, но за Отто Юльевичем мы были как за каменной стеной, для нас это главное...

Его собеседники-собутельники в клубах махорочного дыма дружно закивали в знак одобрения. Затем полярный ветеран продолжил свою не слишком складную, но прочувствованную речь:

– Не знаю, каким он был там в Кремле, чего не знаю, того не знаю, но здесь он был на месте, под Полярной звездой... и сам заслужил Золотую Звезду – одним словом, звездный был мужчина... Ни разу себя не уронил, что на «Челюскине», что на полюсе, что в тридцать седьмом, когда флот в Арктике замерз... Отто Юльевич, Отто Юльевич, вечная тебе

память. Когда мы с ним начинали, времена на Большой земле были такие, что вспоминать не хочется: холод, голод, карточная система и распределители, великое переселение сбежавших от коллективизации, не считая ГУЛАГа с его лагерями. А Шмидт завел свой порядок – в Севморпути только добровольцы, не считая коммунистов по партийной мобилизации. Поэтому у нас и был отборный народ, да и спрос на высшее образование в нашей системе был всегда. А какие люди шли к нам из недорезанных – Визе, Урванцев, Евгенов, да и бывлым красным партизанам вроде Ушакова или Папанина было на кого равняться! А Отто Юльевич ни нас не забывал, ни наших родных на материке – пробил-таки красноармейский паек нашим семьям, пока мы зимовали, а на Большой земле люди голодали...

Определенно мы присутствовали при настоящей лавине новой для нас информации, которую нельзя было получить из официальных изданий, включая даже «Арктическую библию», как называли полярники книгу В.Ю. Визе «Моря Советской Арктики», выдержавшую три издания. Тем временем полярный ветеран продолжал свою поминальную речь:

– Наша служба, конечно, не сахар... Пока разгружались да строились – аврал он и есть аврал. Зато на полярке у каждого отдельная каюта, хоть размером с носовой платок, не то, что на Большой земле: в лучшем случае комната на семью в вонючем бараке. Да и заработок по тем временам за два года вполне приличный, другое дело как распорядишься... Поэтому на полярника в довоенную пору смотрели как в наше время на атомщика или ракетчика.

Однако, думаю, везло Отто Юльевичу больше не на Большой земле, а здесь, в Арктике, – не только он ее выбрал, но и она приняла его, а она дама с норовом, угодить на нее дано не каждому. Похоже, в Москве ему удачи было меньше, хоть уцелел в 1937 году. Новый ледокол называли на стапеле – «Шмидт», а спускали уже – «Микоян»... И сменщик-то его Папанин нас иначе как шмидтовцами не именовал, а сам продолжал да развивал то, что досталось. Целая эпоха с Отто Юльевичем ушла... Помянем его добрым словом, и вечная ему память...

Определенно это был какой-то другой взгляд на личность известного полярника, каким мы его знали со страниц разных изданий, не только научных. За словами бывалых профессионалов, вызывавшими одновременно доверие и удивление, вставал гораздо более человеческий образ, со своими деталями и подробностями, далекими от официальных реляций. И у нас не было оснований не верить его бывлым соратникам и сотрудникам, прошедшим с ним через испытания белым пеклом (о чем мы более или менее уже знали), хотя, возможно, не меньшие испытания он прошел в Кремле (о чем мы не догадывались).

Расставшись с Арктикой много лет назад, он остался в сердцах и в благодарной памяти неизбалованных судьбой людей, на которых он когда-то положился и которые сделали его тем самым Шмидтом, известным всей стране. Прав был захмелевший ветеран полярной службы (и кто бы его осудил?) – со Шмидтом ушла целая эпоха в Советской Арктике, которую он обозначил на десятилетия вперед.

Уже во время продолжительной зимовки на одном из самых суровых архипелагов Арктики, когда мы на собственном опыте постигали почем фунт полярного лиха, особенно во время долгой полярной ночи, когда было больше свободного времени, имя Шмидта неоднократно всплывало в наших разговорах, вызывая порой жаркие дискуссии.

– Какой же он ученый, – порой с жаром утверждали одни, – если он не оставил ни законов формирования льдов, ни исследований в области погодного прогноза, как Визе или Зубов...

– Ни Магеллан, ни Колумб также не замечены в подобном, – не менее пылко отвечали оппоненты. – За него это сделали другие, которых он направил в Арктику. А Северный морской путь, а первая дрейфующая станция «Северный полюс»?

Были и такие, кто видел в нем лишь функционера, откликавшегося на пожелания Великого Диктатора, вершившего судьбы не только собственной страны, но мира. Это особенно

характерно для некоторых постсоветских изданий, например для книг М.М. Ермолаева, А.М. Ермолаева и В.Д. Дибнера.

Сложность отношений О.Ю. Шмидта с «властями предержащими» особенно отчетливо проявилась в его кратковременном взлете на академическом Олимпе в должности первого вице-президента Академии наук СССР. Интересно, что при всей своей известности и популярности у народа (включая интеллигенцию) он не проявлял активности в партийной и политической (но не в общественной) жизни. Более того, как показал анализ его выступлений и публикаций, избегал славословий в адрес Великого Диктатора и правящей коммунистической партии. Там же, где ему это приписывалось, легко угадывалась роль Политуправления Главсевморпути с его «комиссаром» С.А. Бергавиновым. Определенно для страшных 30-х годов прошлого века («бывали хуже времена, но не было подлей») с их взлетами и падениями и такими же противоречиями в стране и обществе это была по-своему знаковая фигура, которая многое позволяет понять и оценить заново в истории советского периода.

Еще один повод для выбора героя настоящей книги – взаимоотношение российской интеллигенции с властью на переломных этапах истории. Эта тема, по-видимому, неисчерпаемая благодаря обилию биографической и художественной литературы, изобилует самыми яркими примерами, известными читателю по истории превращения Российской империи в СССР. Здесь и фрондирующий лауреат Нобелевской премии академик И.П. Павлов вместе с другим академиком и политическим «перевертышем» А.Н. Толстым, здесь и самые искренние апологеты новой власти К.А. Тимирязев и В.Я. Брюсов, здесь и порожденные ею «ученые» из недоброй памяти школы Т.Д. Лысенко, а с ними соседствуют пассажиры знаменитого «философского парохода»... Многочисленные представители старой российской академической интеллигенции служили советской власти верой и правдой, не выражая к ней своего отношения публично, полагая, что служат России и российской науке и культуре.

По совокупности причин среди этой весьма пестрой и неординарной публики личность О.Ю. Шмидта выделяется присущим ей колоритом, в первую очередь полярным. Его новаторская деятельность в новой для него сфере протекала в условиях грандиозного социально-общественного эксперимента, проводившегося по воле ВКП (б) и ее руководства над страной и народом. Поэтому и настоящая книга получилась не столько об Арктике, сколько о советском обществе, даже если читатель придет к другому заключению. Автор, отстаивая свою точку зрения, не стремился навязать ее читателю, отдавая первенство новым фактам, информации из ведомственных архивов и собственному опыту.

Однако прежде, чем перейти к биографии одного из самых известных людей начального периода советской эпохи, отмечу главную трудность темы. Это особые отношения со Сталиным, несомненно, Великим Диктатором своего времени, которого невозможно спутать с известным героем одноименного чаплинского фильма. Думаю, что в оценке этой действительно огромной исторической личности наиболее емко и близко по сути высказался в одном из своих писем Константин Симонов: «Человек он был великий и страшный» (1990, с. 678). С этим лидером огромной страны, ответственным за судьбы миллионов людей, Шмидт встречался, разговаривал, получал задания и советы, возможно, в чем-то спорил, и не только...

Во всем перечисленном автор и пытался разобраться на страницах предлагаемого читателю издания, используя пример жизни незаурядной харизматической личности.

Существует определенная связь поколений полярных исследователей, о которой мне однажды уже пришлось высказаться: «Без Русанова не было бы Самойловича, каким мы его знаем, и, вероятно, Шмидт не стал бы тем самым Шмидтом, который вошел в историю таким, каким вошел. Каждому из них – свое, поскольку “мы дети страшных лет России,

забыть не в силах ничего...»² (2005, с. 354). Следуя этой концепции, автор опубликовал ряд научных биографий наших предшественников³ в Арктике, продолжив свое намерение настоящей книгой.

В завершение вводного раздела автор благодарит профессора Сигурда Оттовича Шмидта за консультации и предоставленные материалы (включая бумаги из семейного архива), а также за многочисленные замечания при обсуждении настоящей книги, разнообразные советы, рекомендации, многочисленные фото из семейных собраний родственников главного героя книги. Без помощи С.О. Шмидта книга, вероятно, не состоялась бы в настоящем виде. Автор также благодарит В.В. Шмидт и К.А. Левинсона за помощь в редактировании книги.

² Корякин В. Русанов. М.: Наука, 2005. [Серия ЖЗЛ]

³ Корякин В. Владимир Александрович Русанов. М.: Наука, 1987; Корякин В. Рудольф Лазаревич Самойлович. М.: Наука, 2007.

Глава 1

В начале жизненного пути

*Блажен, кто посетил сей мир.
В его минуты роковые...*

Ф. Тютчев

*Я знаю, что неопытен и молод,
Однако время принесет мне зрелость.*

У. Шекспир

Герой настоящей книги появился на свет 18 (30) сентября 1891 года в губернском городе Могилеве (нынешняя Республика Беларусь) в лютеранской семье выходцев из Лифляндской губернии. Его отец Юлиус Фридрихович Шмидт вел свое происхождение от немцев, получивших русское подданство в XVIII веке, но оставшихся (в отличие от многих представителей родовитого остзейского дворянства, проявивших себя на флотской или академической службе) в крестьянском звании, формально относясь к колонистам. В дореволюционном документе один из представителей рода Шмидтов именуется «почетный гражданин». Крестьянкой по происхождению была и избранница Юлиуса, латышка по национальности Анна Фридриховна, урожденная Эргле, женщина властная, суровая, настоящая глава семьи. В опубликованной автобиографии сам будущий полярник и Герой Советского Союза особо отметил: «Языком, на котором я не только говорил, но думал и писал, стал русский. По паспорту я являюсь русским, в соответствии с моим самосознанием». Известно, что лютеранские выходцы из Прибалтики отличались своеобразной религиозностью, влияния которой поначалу не избежал и юный Отто, со временем, однако, уже в пору возмужания и переоценки моральных ценностей, расставшийся с былыми взглядами в поисках новых идеалов.

Семейные традиции в совокупности с многонациональным окружением запада и юга бывшей Российской империи способствовали выработке в юности у Отто своеобразного бытового интернационализма, со временем ставшего частью его мировоззрения. Это обстоятельство характерно для наших полярников не только в советское время, но и до революции. На общем русском фоне среди наших полярных исследователей, начиная с моряков Великой Северной экспедиции XVIII века (принадлежавших в основном к служивому мелкопоместному дворянству), отчетливо прослеживается весь национальный состав России от ученых-прибалтов К.М. Бэра, Э.В. Толля и А.Ф. Миддендорфа до представителей малых северных народов (чукча Дауркин, ненец Вылка). Во все времена национальность в экстремальных условиях Арктики отходила под напором стихий если не на десятый, то на второй план. С другой стороны, семейное многоязычие (где говорили на немецком, русском и латышском языках) в будущем пригодилось юному Отто, привив вкус к изучению других языков и облегчив их усвоение.

Немцу такого почти крестьянского происхождения, обремененному многочисленной семьей (пятеро детей, один из которых умер в трехлетнем возрасте), в родных прибалтийских землях было трудно сводить концы с концами, что и заставило главу семейства стать торговым агентом в мелких писчебумажных фирмах Могилева, Одессы, а позднее – Киева. С учетом доходов отца семейства его дети в лучшем случае могли рассчитывать на карьеру ремесленника. Средств семьи было недостаточно, чтобы дать всем детям гимназическое образование, и на семейном совете было решено учить Отто. «Все мы люди небогатые, – высказался на семейном совете его дед по материнской линии, – но если сложимся вместе,

то одному из детей мы можем дать образование. И нужно дать образование этому мальчику, он способный» (Подвигина, Виноградов, 1960, с. 4).

Надо сказать, что в отличие от некоторых других полярников (например, Русанова или Самойловича) у Шмидта не наблюдалось влечения к активной революционной деятельности, хотя, несомненно, он был свидетелем восстания на броненосце «Потемкин» в Одессе, а также революционного брожения в городе, еврейских погромов и убийства Столыпина в Киеве. Все увиденное и пережитое повлияло на общественно-политические взгляды юноши, типичные для интеллигенции того времени, сочувственно относившейся к нараставшему революционному движению.

В связи с переездами семьи ему довелось посещать гимназии в Могилеве, Одессе и Киеве. Считается, что именно одесская гимназия привила ему вкус к древним языкам. Там наряду с обязательным латинским юный Отто стал изучать еще и древнегреческий. Этим дело не ограничилось – в гимназическом оркестре Отто играл на контрабасе, увлекался классической музыкой и литературой. Во 2-й киевской гимназии (расположенной в центре города неподалеку от 1-й, где почти одновременно с ним обучались будущие светила русской литературы Булгаков и Паустовский) уже в седьмом классе Отто поразил воображение своих одноклассников, с ходу предложив самостоятельное решение теоремы, не зная решения по школьной программе, поскольку отсутствовал из-за болезни. Кто испытал большее удивление от такого смелого и самонадеянного поступка – соученики или преподаватель, – неизвестно, но сам случай остался в неписаных анналах гимназии. Неудивительно, что гимназию Шмидт закончил с золотой медалью, оправдав надежды своих родителей. Определенно в молодые годы он резко отличался своим поведением и образом жизни от других известных полярников – Русанова или Самойловича, доставивших в молодости немало хлопот что родным, что властям. И хотя все они получили образование в самых авторитетных высших учебных заведениях, разница в их характерах, наклонностях и жизненных устремлениях настолько очевидна, что легко объясняет многое в их дальнейшей полярной карьере и жизненном финале на фоне событий своего времени...

А пока молодость кружит голову взрослому гимназисту, пейзаж весеннего Киева с обрывами над Днепром и Владимирской горкой вызывает в нем жажду жизни со всеми ее надеждами и тревогами:

Там в кленовом оцепленье
Лица девочек смуглы,
Там ложатся чьи-то тени
На кленовые стволы.
Репродуктор напевает,
И, придерживая крест,
Князь Владимир застывает,
Словно слушает оркестр.
Гимназисты и старушки,
Пионеры, юнкера,
Близлежащие церквушки,
Белошвейки, шофера,
Горку держат на примете
Напролет под соловьи...

(В. Каденко)

Поэт специально спутал приметы времени, чтобы отразить не стареющее с годами очарование киевских круч над Днепром. Можно ожидать, что на этом фоне юный Отто не только поддавался воздействию очаровательных сверстниц, но и сам пользовался заслуженным вниманием, сохранив эту способность и в более зрелом возрасте. Не обладая, однако, даром Мопассана, автор не рискует развивать эту достойную тему применительно к герою настоящей книги. Здесь стоит ограничиться свидетельством очевидца: «К Отто Юльевичу тянулись незаурядные женщины... Неустанность его романов, тем более длительная верность тем, с кем сближался, порядочность его поведения по отношению к внебрачным детям, делали его натуру в глазах других еще более неординарной» (Шмидт, с. 250–251, рукопись). Се ля ви, как говорят об этой теме на родине Мопассана...

В 1909 году молодой Отто Шмидт становится студентом физико-математического факультета университета Святого Владимира, с самого начала приняв активное участие в работе семинара профессора Д.А. Граве по вопросам алгебры и теории чисел, на котором преобладали студенты старших курсов. Активный, интересующийся студент с самого начала видел в математике некий исследовательский аппарат, имеющий самое непосредственное отношение к запросам практики в широком спектре применения – в пределах от проблем денежной эмиссии и до расчетов нагрузок на судно в условиях ледового плавания, чем ему позднее пришлось заниматься. Так что его выбор был не просто оправдан, но и свидетельствовал о стремлении к поиску некоей истины на основе точного знания.

«На этом семинаре, – вспоминал позднее член-корреспондент АН СССР Б.Н. Делоне, – и появился студент О.Ю. Шмидт, который выделялся не только своими математическими способностями, но и волевыми качествами. Он разбирал теорию групп в последовательно делаемых им на семинаре Д.А. Граве докладах» (1959, с. 178).

В своем дневнике студент-первокурсник, разумеется, не мог не остановиться на впечатлениях от экзаменов, тем более, что (дата записи 2 мая 1910 года) «...все время, начиная с марта или раньше, я занимался, не переставая и не отдыхая. И все-таки я не пришел к удовлетворительным результатам: предметы мои слишком обширны, они требуют больше времени. Уроки также отнимают много времени, но это, возможно, неплохо, оберегает от отупения за одной и той же работой. Во всяком случае, жаловаться не хочу. Если провалюсь, то никого винить не стану». Хотя опасения студента-первокурсника не оправдались, его первые самооценки, судя по записи 17 мая, по-видимому, несколько завышены: «Я вышел из аудитории сияя. Этим экзаменом я мог быть доволен. Я смог продемонстрировать познания по всем дисциплинам, и они отлично выдержали испытания». Отметим пока свойство студента, не однажды пригодившееся ему впоследствии: не жалеть усилий именно на этапе подготовки для обеспечения будущего успеха.

Не только учеба волнует его, но показательно, до какой степени среди житейских проблем главное все-таки принадлежит учебе, о которой он не забывает даже через несколько дней после завершения экзаменационной сессии и в совсем иной обстановке: «28 мая. Сейчас читаю “Отрочество” и “Юность” Толстого. Своеобразное впечатление производит на меня сходство духовного развития и даже любимых идей у меня и у героя. Весь тон книги говорит о том, что это все быстро проходит и потом человек смотрит на свою философию сверху вниз, едва ли не как на ошибки молодости. Может быть, это и правда. Но в энтузиазме и в вере в себя и заключается привилегия и прелесть юности. Пускай потом я проделаю неожиданную эволюцию, но пока я твердо держусь за свои взгляды...

Постепенно приступаю к своим летним работам. Я составил себе очень обширную программу, хотя или, вернее, потому что – всю ее я не выполню. Предметы моих занятий будут следующие: 1) дифференциальное исчисление, 2) высшая алгебра, 3) английский язык, 4) русская литература, 5) немецкая и другая литература и история литературы, 6) история философии, 7) немецкий язык, 8) греческий язык. Если половина этого сможет быть как

следует выполнена, я смогу быть доволен, потому что спорт, поездки в Святошино и тому подобное в программу не включено, а занимает большую часть времени». Определенно это почерк максималиста, но еще (особо отметим на будущее!) и энциклопедиста по охвату проблем и намерений, во многом позднее воплощенных в жизнь, а это немало!!!

Еще одно качество будущего Шмидта отражает дневник – весь жизненный расчет только на собственные силы, например в части обеспечения жизненных запросов, включая оплату учебы в университете заработками за репетиторство: «20 августа... Был уговор, что в университете я сам буду обеспечивать свои расходы, только на первое обзаведение я получил сто рублей... Выяснилось, что мне нужно не 240, а 330 рублей – и я их заработал! Этот внешний успех, достигнутый в тяжелых обстоятельствах, естественно, укрепил мою веру в собственные силы». Определенно студент (пока студент!) умеет не только планировать, но и проводить в жизнь намеченное, и уже поэтому от него можно ожидать большого будущего, если обстоятельства не окажутся сильнее, как это бывает нередко в жизни.

И как это бывает у всех в молодости, сомнения: люблю или не люблю (или любят или не любят меня) ... – все как у людей, но не только...

«6 октября. Весной я запланировал заниматься в этом году философией, эстетикой и тому подобным, а в следующем – изучать политическую экономию, социологию и т. д. Пока я выполняю свою программу удовлетворительно, но почти жалею, что не изучал летом политические науки. Сейчас время совершенно аполитичное, но без четких политических убеждений все-таки жить тяжело, а для четких убеждений необходимы хоть какие-нибудь познания...

7 октября. Интерес к общественно полезной деятельности у студентов пропал совершенно. Чтобы оживить интерес к политике у себя и у своих друзей, я подумывал... основать кружок – без конкретной цели, чтобы иметь возможность обмена мнениями, будящими мысль. Я при этом надеялся, что мы будем больше заниматься общественными науками и, когда снова придет время работы, не будем относиться к движению как чему-то непонятному и чужому... Каждый на своем месте будучи студентом, ученым и т. д., все же должен чувствовать себя звеном целого и должен быть готов по мере сил этому целому служить». Таковы были довольно наивные, но вполне самостоятельные намерения молодого человека еще на студенческом уровне в части служения обществу, во многом оправдавшиеся в будущем.

«24 октября. Философские беседы с папой становятся все реже. Отчасти причина заключается в обилии забот и тревог, которые занимают наши мысли и разговоры, но отчасти причина лежит и глубже: отцы и дети редко способны понять друг друга. Мировоззрения совершенно разные, единение невозможно, да даже и нежелательно, ибо разрушать веру старого человека, не приняв ее, – нехорошее дело... Он проповедует по Библии и не хочет понимать мои рациональные аргументы. Чаше, нежели о религии, мы говорим теперь о политических вопросах, но у папы все пропитано религией...»

Вернувшись к учебе студент, мировоззрение и характер которого становятся все более зрелыми, определенно не сдает позиций, самостоятельно овладевает новыми высотами науки. Например, он работает с огромной монографией Бернсайда по теории групп (сохранившую свое значение и поныне) и с солидным томом Журдана «Trate des substitutions»: определенно перспективный «студиоуз» на полную мощь задействовал запас знаний иностранных языков, полученный в гимназии. Более того, спустя два года Шмидт вознамерился использовать работу Бернсайда вместе с целым рядом журнальных статей из иностранных источников (включая, например, доказательства Ремака, ученика известного математика Исаии Шура) для создания собственной книги по теории групп, небольшой по размерам, но классически отработанной. Уже в 1912 году Шмидт в «Трудах Киевского университета» опубликовал новое доказательство теоремы по теории групп, гораздо более изящное, чем у

Ремака. Кроме того, он продолжил одно из исследований Журдана в работе «Об уравнениях, решаемых в радикалах, степень которых есть степень простого числа». Результат – золотая университетская медаль и решение печатать работу за счет университета. Очень неплохое начало для будущего научного светила первой величины!

Похоже, как в научных вопросах, так и в жизненных подходах у начинающего исследователя (а таким он уже, несомненно, был) складывался свой специфичный подход к явлениям и проблемам. Вопреки позиции большинства, привыкшего анализировать ситуацию на основе отдельных примеров, похоже, даже в раннем возрасте Отто Юльевич уже вырабатывал свои оценки на основе синтеза, исследуя, прежде всего, взаимосвязи известных компонентов явления, чтобы понять его в целом. Такой подход прослеживается у него вполне отчетливо и позднее, особенно в 30-х годах, когда он занимался проблемами, с первого взгляда далекими от теории групп или каких-то других разделов высшей математики. Такой вывод подтверждается его выводами и оценками, сделанными на вершине жизненных и научных достижений: «Нельзя быть культурным человеком без знания основных результатов всех наук. Культура едина. **Синтетична** (подчеркнуто мной. – В.К.). Нет отдельной культуры для инженера и медика. Все вместе науки формируют культуру, ее идеологию-мировоззрение» (по Яницкому, 1959, с. 19). Этот же источник отмечает: «несмотря на то что искусству и литературе Отто Юльевич мог уделять в течение всей своей жизни лишь немного времени – столько, сколько оставалось от занятий наукой и государственно-общественной деятельностью, – он и в этой области выделялся своей высокой культурой» (с. 49). Характерно, что в будущем Отто Юльевич многократно возвращался к прочитанным в юности книгам, предпочитая представителей русской классики, а из зарубежных – Гете, которого он читал на языке оригинала. Позднее его любимыми современными авторами оказались молодой Маяковский (особенно «Облако в штанах») и Есенин. В музыке он ценил оперу Глинки «Руслан и Людмила», творчество Мусоргского, а также романсы Грига.

К киевскому периоду его жизни относится дружба с семейством военного врача генерала Яницкого. Молодой отпрыск этого семейства, Николай (будущий видный экономгеограф советской поры, профессор и доктор наук) сохранил с Отто Юльевичем дружбу на всю жизнь, в своих воспоминаниях он опубликовал целый ряд ценных сведений о жизни будущего полярника. Молодой человек увлекся сестрой Николая – Верой. Ей в обозримом будущем предстояло стать спутницей жизни Отто. К этому же периоду относится и появление знаменитой бороды будущего полярника. В 1913 году выпускник университета по болезни надолго угодил в военный госпиталь, где долгое время не брился. Отросшая борода, по мнению посетителей, лишь украсила его лицо, оставшись на нем на всю жизнь. Не исключено, что именно тогда в его организме и поселилась та самая хворь, которая доставила ему немало хлопот в Арктике и в конечном счете раньше времени свела его в могилу.

Определенный рационализм отличал начинающего математика в подходе к собственному образованию в избранной области знаний. В литературе нередко цитируют рассказ начинающего студента Шмидта, отражающий не столько его юношеский максимализм (кто из молодых людей не грешил этим на пороге самостоятельной жизни!), сколько своеобразный рациональный подход, типичный для немца: «Я сел подсчитывать – ведь все же я был математиком. Оказалось, необходимо 1000 лет, чтобы все намеченное одолеть... Тысячу лет прожить нельзя, и все знать невозможно. С болью в душе я стал вычеркивать то, что хотя и интересно, и нужно, но без чего все же можно обойтись. Оставил себе только то, без чего не мыслил себе пути в науку. Вновь подсчитал... Осталось еще на 250 лет» (1959, с. 18). Однако нельзя, например, ограничивать себя во времени при изучении иностранных языков (коренного недостатка в подготовке, например, технических кадров в советское время). «Самый лучший способ изучать языки – это начинать прямо с чтения книг. Сначала ничего не пони-

маешь. Постепенно накапливается большое количество знакомых слов. Потом можно прибегнуть к словарю» (1959, с. 19–20).

В результате, по заключению Делоне, «...к окончанию университета О.Ю. Шмидт имел три интересные печатные работы по математике, был одним из немногих математиков мира, усиливших большой труд Журдана по теории подстановок, и уже в большей части написал свою превосходную книгу “Абстрактная теория групп”. Ему было тогда 22 года» (1959, с. 180). Неудивительно, что с окончанием университета в 1913 году он был оставлен для подготовки к профессорскому званию с выделением специальной стипендии. Молодой человек тут же принялся дописывать свою книгу по теории групп. Как начинающий ученый, он не подлежал призыву на вскоре начавшуюся Первую мировую войну, эвакуировавшись вместе с частью университета в Саратов.

В 1916 году его книга «Абстрактная теория групп» вышла в свет и была удостоена премии имени Рахманинова. Среди специалистов эта книга признается первой по общей теории групп, а способ доказательства свидетельствовал о научной зрелости автора. В частности, академик П.С. Александров следующим образом оценивает вклад Шмидта в этой области: «Теорема теории групп, известная под именем теоремы Шмидта, представляет собой одну из основных теорем современной алгебры. Это теорема такого ранга и значения, которые в каждой области математики насчитываются единицами. Математика состоит из многих различных областей; в каждой из них имеется несколько фундаментальных фактов, вокруг которых концентрируются дальнейшие исследования. Теорема О.Ю. Шмидта в теории групп принадлежит именно к фундаментальным, большим открытиям, которые навсегда останутся в науке» (1959, с. 173).

Однако для осознания даже ведущими специалистами крупного открытия требуется время. Автору же этого открытия предстояло сдавать магистерские экзамены, отношение к которым среди принимающей профессуры было разным. Граве, например, считал такие экзамены в достаточной мере формальными, предпочитая, чтобы его ученики больше занимались научным творчеством. Однако другие профессора в своих требованиях нередко отличались чрезмерным педантизмом. Так, по словам Делоне, профессор «...Пфейфер требовал знания наизусть шести томов Форсайта, трех томов Пикара, тома Гурса и работ Имшенецкого. Плохо было то, что надо было знать это со всеми подробностями. Я помню, когда мы со Шмидтом пришли в Саратове к Пфейферу договариваться о днях экзаменов, он сказал: “Вы не думайте знать кое-как. Например, я могу вас спросить, что сказано в примечании к 373-й странице 111-го тома Пикара. А для того, чтобы вас строже экзаменовать, я сам перед экзаменом проштудирую еще раз те вопросы, которые намерен вам задать”. Должен сказать, что в Саратове был тогда только один экземпляр курса Пикара и нам со Шмидтом удалось его перед экзаменом изъять из библиотеки. В этом памятном разговоре Пфейфер еще добавил: “Вообще, вы, молодежь, уже мните себя учеными, а между тем хорошо, если вы к сорока годам будете приват-доцентами, что же касается быть профессором, то об этом можете только мечтать”.

Шмидт держал все экзамены на два месяца раньше меня. На каком-то первом из них строгий экзаменатор хотел поставить ему «посредственно». Но Граве настоял на том, чтобы поставили «отлично». После этого вышло особое постановление совета университета о том, чтобы отметки ставил только экзаменатор. Представьте, как нам с Отто Юльевичем пришлось стараться, чтобы удачно сдать все экзамены.

Наконец, экзамены сданы. И как раз к этому времени началась эвакуация, и мы вернулись в Киев... Вскоре Шмидт уехал в Петроград, и мы некоторое время с ним не виделись. Году в 1918 или 1919 он еще раз приехал в Киев, чтобы ликвидировать свою квартиру и вывезти в Москву какие-то свои книги; я ему помогал их укладывать. В это время Отто Юльевич был уже всецело погружен в государственную деятельность, он был тогда членом

коллегии Наркомпрода и занят снабжением Москвы. В 1920 году Шмидт снова приехал в Киев, как уполномоченный по заключению хлебной конвенции с Украиной, и мы снова с ним виделись и много говорили» (1959, с. 181–182).

В этих воспоминаниях Делоне уже намечены основные события в жизни Шмидта. Прежде всего, переход от академической учебной работы к участию в административной деятельности, хотя и с применением полученных ранее знаний и опыта в чисто научной сфере. Делоне, таким образом, подтверждает своеобразную раздвоенность интересов Шмидта на чисто научную, умственную сферу, с одной стороны, и прикладную, практическую деятельность – с другой. Эта вторая его склонность позднее в Арктике вылилась в проведение целого ряда натурных экспериментов. Переход от чисто научной деятельности к практике общественной и хозяйственной жизни отражен у нескольких биографов Шмидта (Матвеева, 2006, Яницкий, 1959 и др.), причем Яницкий особо подчеркивает, что «Отто Юльевич не был кабинетным ученым: после окончания магистерских экзаменов он сразу же начал работать – в Киевском университете, где ведет занятия со студентами, и в Киевской продовольственной управе, где ему приходится иметь дело с массой населения (продовольственные вопросы в период 1916–1917 гг. были очень острыми). С этого момента до 1956 года через всю жизнь Отто Юльевича проходят органически связанные две линии работы – научная и практическая, линии, дополняющие друг друга» (1959, с. 22). Таким образом, информации Делоне и Яницкого об этом периоде жизни в биографии нашего героя совпадают.

На исходе 1916 года по прочтении двух пробных лекций Отто Юльевичу было присвоено звание приват-доцента. Вопреки мнению профессора Пфейфера, он добился его не к сорока годам, а к двадцати пяти. Однако к чтению лекций он был, согласно действующему регламенту, допущен лишь позднее, по совокупности отзывов профессоров Д.А. Граве, А.П. Котельникова и того же Г.В. Пфейфера. Об этом ректор университета любезно сообщил новоиспеченному приват-доценту в письме от 23 февраля. Успешное начало подтверждалось и премией, полученной за чтение курса лекций «Общая теория групп» в весеннем семестре 1917 года. С мая того же года Граве поручил ему также проведение практических занятий со студентами по аналитической геометрии.

Одновременно, еще с 1915 года, Шмидт возглавлял Общество преподавателей высших учебных заведений Киева, возникшее в связи с эвакуацией этих учебных заведений из Киева и работой преподавательского состава в военных условиях. «Указанная организационная работа, – писал позднее Отто Юльевич, – давала некоторое отвлечение от абстрактных научных занятий, однако меня определенно тянуло к более практической административно-общественной деятельности. Начатки делового опыта я получил еще с детства, присматриваясь к коммерческой деятельности отца» (Архив АН, ф. 496, д. 36, л. 2). Кроме того, с конца 1916 года Шмидт участвовал в организации и управлении университетским кооперативом, а в начале 1917 года поступил на службу в продовольственную часть Киевской городской управы. Это направление своей практической деятельности он оценивает следующим образом:

«В качестве старшего помощника и заместителя заведующего отделом карточной системы я имел возможность приобрести разнообразный опыт, с одной стороны управляя учреждением в 150 служащих, с другой стороны, разрабатывая формы карточной системы на муку и хлеб, включая организацию контроля над мельницами, пекарнями и лавками и участие в разработке таксы на муку и ее продукты» (Там же, л. 6).

Одновременно он отмечал, что «карточная система как средство при помощи организованного вмешательства общественной организации в дело распределения ограниченных в количестве продуктов может нормально протекать только при наличии ряда условий: условии регулярного снабжения, возможности сосредотачивания распределяемых продуктов в

руках какой-то одной организации, подготовленности к этим мероприятиям масс населения и др.» (Там же, д. 58, л. 13). Таким образом, молодому, по сути, специалисту с ученым званием приходилось применять свои профессиональные познания нередко в обстановке не только неподдающегося контролю со стороны властей, но просто на фоне непрогнозируемого развития событий в государстве.

Именно к этому времени относится рассказ Делоне о деятельности Шмидта в условиях военного времени: «Уже в 1917 году Отто Юльевич стал все больше и больше втягиваться в общественную деятельность. Как-то мы с ним пошли гулять в Голосевский лес, и я его спросил:

– Почему вас так мало видно?

– А я занят организацией карточной системы в Киеве.

– Неужели вас это интересует? – спросил я.

– Да, видите ли, Борис Николаевич, во мне два человека – человек науки, ума и человек действия, воли, и эта деятельность удовлетворяет второго из них». (1959, с. 181).

Новое направление приобрела и деятельность Отто Юльевича в качестве председателя Совета младших преподавателей университета, направленная на реформирование порядков в учебном заведении. Это относилось, в частности, к составлению «Временного положения о Совете младших преподавателей Университета Св. Владимира», определявшего круг академической деятельности, средства для научной деятельности, проведение семинарских занятий, кружковой, экскурсионной и экспедиционной деятельности, а также ученых собраний разного уровня (местных, всероссийских и даже всемирных).

В дни февральской революции Шмидт взял на себя руководство киевским студенчеством через созданные им старостаты, в частности, потребовав в сложившейся обстановке переноса экзаменов на осень. Работа администрации университета все более нарушалась, начались студенческие волнения, а также ответная реакция консервативной части профессуры.

Для возвращения к нормальной университетской жизни было решено провести совместные встречи профессуры со студенчеством для обсуждения назревших проблем. Совет младших преподавателей во главе с Отто Юльевичем в создавшейся обстановке выступил со следующим заявлением: «Мы, младшие преподаватели, еще так недавно принадлежавшие к составу студенчества, в настоящие тревожные дни убедились на деле в доверии студенчества к нам. Младшие преподаватели полагают, что должны сейчас воспользоваться своим влиянием на студенчество, чтобы помочь ему сорганизоваться в формах, гарантирующих порядок в университете. Поэтому собрание решило обратиться к студентам с воззванием» (Матвеева, 2006, с. 35).

Ниже следует текст воззвания, приведенного по тому же источнику частично: «В сознании величия текущего момента государственной жизни и в связи с событиями, имевшими место в Университете Св. Владимира в последние дни, мы, младшие преподаватели университета, постановили обратиться к студенчеству с призывом: нам всем дорого счастье нашей Великой Родины; нам всем дорога наша высшая школа, которая в свободной России должна быть свободной... мы знаем, что в эти дни студенчество не может жить мыслями, отличными от мыслей народа... На глазах большинства из нас протекали 1905–1906 годы, годы беспримерно тяжелые для России и для русской высшей школы. Многие из нас тогда находились в студенческих организациях и с ними вместе пережили это время.

Бойтесь повторения крушения народных надежд! Бойтесь провокации! Помните, что большинство наших товарищей на фронте и что общая разруха подвергает их жизнь и судьбу Родины грозной и напрасной опасности! Больше спокойствия! Прекратите доступ в университет посторонним: университет нужен России как свободная школа... Помните ваш долг

перед Родиной и вернитесь к своей работе, ибо она не может помешать вам оставаться гражданами. Несите в дар свободной Родине свои силы и знания». (Там же, с. 35–36).

В целом все содержание этого документа отражает стремление сохранить роль университета на службе Родине (России) перед лицом надвигающейся опасности. Необходимо отметить отсутствие в этом документе какого-либо желания превратить войну империалистическую в войну гражданскую (что резко расходилось с позицией большевиков, претендовавших на выражение воли рабочих) или стремления к украинской «незалежности», отражавшей позицию населения сельской местности.

В конце апреля 1917 года прошло объединенное заседание исполкома общественных организаций, президиумов Совета рабочих и военных депутатов и коалиционного совета студенчества. Хотя исполком вынес резолюцию о переносе срока экзаменов, а также необходимости морального, а не силового воздействия на студентов, коалиционный совет ее не поддержал. Участвовавший в этих мероприятиях Шмидт поставил вопрос об особом совещательном органе при Киевском учебном округе для выражения точки зрения младших преподавателей, но это предложение не прошло. Тем не менее семестр кое-как был доведен до конца. Потерпела неудачу попытка сместить ректора университета профессора Н.М. Цитовича (специалиста по полицейскому праву) с его поста – из-за поддержки большинства университетской профессуры. Поскольку подобным образом развивалась ситуация и в других российских университетах, Временное правительство пошло на уступки, допустив приват-доцентов к решению университетских дел с правом совещательного голоса. Однако к тому времени у Шмидта возникли собственные планы на будущее. В середине сентября 1917 года он подал прошение об освобождении его от чтения лекций и ведения практических занятий, одновременно обратившись к Граве с просьбой дать рекомендации к петроградским математикам. «Шмидт временно исчез из моих взоров», – отметил это событие его учитель. Очевидно, чтобы найти применение знаниям, полученным в университете, с отдачей уже на государственном уровне.

Глава 2

Советский чиновник

*...Грядущее темно,
Что сбудется – нам ведать не дано.*
У. Шекспир

*Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно – во мраке, а реже – по радуге...*
А. Вознесенский

Единственная достойная причина для того, чтобы описывать чиновную деятельность героя книги в деталях, – необходимость объяснить, каким образом в будущем у О.Ю. Шмидта возникло желание порвать с чиновной средой и вырваться на простор творческой и исследовательской деятельности. Ведь подобное дано не каждому! Нормальный советский чиновник такого ранга гордился бы любым из руководящих постов, которые Шмидт занимал в 20-х годах. А вот он пренебрег, сбежав однажды на просторы Памира, а потом и ледяные просторы высоких широт...

Важно, что его деятельность в качестве чиновника отличалась частой сменой направлений. В этом сказалась не только поиски самого себя в годы первых лет революции и Гражданской войны, но, несомненно, и отношения с властью, как правило, непростые, и не всегда подтвержденные документами.

Отметим, что его чиновная деятельность началась в Петрограде еще при Временном правительстве. Этот период в жизни Шмидта по известным историческим обстоятельствам продолжался около полугода, но для последующей биографии сыграл немалую роль, поскольку связан с поступлением на государственную службу.

Приезд в Петербург летом 1917 года для участия в работе Всероссийского съезда по делам высшей школы, по-видимому, связан со стремлением принять активное участие в надвигавшихся событиях и, прежде всего, получать информацию из самой гущи происходящего. Позднее в письме к Граве Шмидт написал: «В Питере моя жизнь вначале была отдыхом от киевской суеты последнего времени. Я никого не видел, много гулял по окрестностям, занимался философией и т. д. Осенью вновь пробудилась энергия, я стал увлекаться службой в министерстве» (Матвеева, 2006, с. 43). Хотя письмо написано в первых числах следующего, 1918 года, что интересно, никакой реакции на события июля или октября переломного для судеб страны 1917 года в нем не найти.

Однако известно, что 14 июля герой книги (видимо, с учетом предшествующей деятельности по тому же направлению в Киеве) получил должность старшего делопроизводителя по вольному найму отдела снабжения тканями, кожей и обувью Управления по снабжению предметами первой необходимости Министерства продовольствия. Тем самым бывший перспективный университетский приват-доцент оказался в цитадели российской бюрократии на переломном моменте истории страны, когда бывшим хозяевам жизни история предъявила весьма серьезные претензии. Их «погашение» на практике обычно связано с многочисленными эксцессами, нередко болезненными. Хотя герой настоящей книги и полагал, что «никакой прогресс невозможен отдельно в науке и в просвещении без прогресса политического» (из личного архива Шмидта), но рядовые участники Октябрьского переворота, даже разделяя подобные убеждения, тем не менее в чехарде событий могли и... погорячиться, чему достаточно примеров.

Когда Аничковым дворцом, где размещалось бывшее Министерство продовольствия Временного правительства, овладели победители во главе с народным комиссаром по продовольствию А.Д. Цюрупой, они не встретили готовности к сотрудничеству со стороны большинства сотрудников этого министерства – картина обычная для тех дней. В попытке остановить развитие саботажа со стороны старорежимных чиновников Шмидт составил «Обращение группы объединенных социалистов Министерства продовольствия с изложением проекта политической платформы». Суть «Обращения» – готовность сотрудничать со всеми, кто согласен с государственным регулированием экономики и продовольственного обеспечения населения вне зависимости от политических взглядов граждан. Из нашего времени подобные пожелания выглядят откровенной наивностью, но в те годы подобные настроения разделялись многими российскими интеллигентами.

Через месяц после взятия Зимнего в «Правде» было опубликовано следующее заявление: «Мы, второе частное совещание, стоя на почве принятой... резолюции о необходимости немедленного возобновления занятий, постановляем немедленно практически приступить к работе и, войдя в контакт с Продовольственной комиссией СНК, с завтрашнего дня наладить и организовать текущую работу наличными силами». Прав был Наполеон, утверждавший, что путь к сердцу солдата (как и защитника революции) лежит через желудок. Несомненно, коммунисты 1917 года разделяли эту точку зрения, даже будучи не в силах накормить своих новых подданных.

Оба документа, составленных при участии Шмидта, вызвали взрыв негодования среди старорежимного чиновничества, не желавшего иметь дело с большевиками. Шмидт свою позицию объяснил так: «Я был против забастовки – и по своей политической позиции, близкой к интернационалистам “Новой жизни”, и потому, что считал политическую забастовку продовольственного ведомства вообще недопустимой, но оставаться на работе в уничтоженном ведомстве все же не хотел» (Матвеева, 2006, с. 46).

Что касается отношения самого Шмидта к большевистскому перевороту, то он выразил его следующим образом: «Я чувствовал сумбур у себя в голове, не мог охватить всей совокупности явлений... Я встретил Октябрьскую революцию с радостью...», однако «...до Октябрьской революции я еще не созрел... у меня не было опыта работы с массами, я плохо понимал силу масс». Признания, надо прямо сказать, нетипичные для пламенного революционера и верного ленинца, каковым он, очевидно, и не был. Скорее, он относился к тем членам РСДРП, у которых, по Бердяеву, «...отношение к представителям интеллигенции, писателям и ученым, не примкнувшим к коммунистам, было иным, чем у чекистов: у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к теснимой интеллигенции в России».

В Наркомате продовольствия Совета Народных Комиссаров Отто Юльевич становится начальником Управления по продуктообмену, занимаясь практически тем же самым, что и при Временном правительстве. Теперь в его положении было не до проблем высшей математики, требовалось овладеть «боевым оружием алгебры революции» (из личного архива Шмидта). В отличие от героя светловской «Гренады», вместо того, чтобы постигать «грамматику боя, язык батарей», этот интеллигентный «попутчик», похоже, оказался еще и неисправимым романтиком. Но это не мешало ему собирать статистические сведения и обобщать их по отдельным регионам для принятия соответствующих решений не слишком опытными представителями новой власти как в центре, так и на местах.

Вместе с СНК в марте 1918 года он переезжает из Петрограда в Москву, где окончательно связывает свою судьбу с советской властью – судя по документу, впервые опубликованному И. Дуэлем: «В момент Октября у меня не было предвидения силы победившего пролетариата, но было достаточно образования в этой области, чтобы понять историческую закономерность явлений. В таком положении, в каком очутился я, было еще несколько товарищей... которые образовали группу социал-демократов-интернационалистов... В марте

1918 года на очередном съезде этой небольшой партии произошел раскол и образовалась группа левых интернационалистов, в которую вошел и я. Затем создавалась организация, которая называла себя “ЦК”, но, кроме членов ЦК, в этой партии не особенно много было людей. Эта левая группа приняла программу РКП и никакой другой программы РКП не противопоставляла, оставляя, правда, за собой право расходиться по тактическим вопросам, но расхождений у нас никаких не было. Настоящий ЦК смотрел на нас так: ребята там дурят, но ребята хорошие... Стало ясно, что такая группа ни к чему... Поэтому был поставлен вопрос о слиянии с РКП... Мы были приняты в коммунистическую партию, и ввиду того, что выполняли все поручения ЦК и никакой другой программы не пытались ему противопоставлять, то нам зачли весь стаж пребывания в партии левых интернационалистов» (1977, с. 50–51). С любой точки зрения членство в партии помимо первичной партийной ячейки ставило Шмидта в глазах многих коммунистов в положение «попутчика». Не случайно соратник Отто Юльевича по Главсевморпути М.И. Шевелев отметил, что позднее, в условиях 30-х годов «Шмидт... не очень хорошо себя чувствовал. Он ведь до революции был в группе социал-демократов – интернационалистов – это была крупная группа интеллигенции, примыкавшая к Горькому» (1999, с. 92). Нет оснований обвинять Шмидта в стремлении приобщиться к победителям из карьерных соображений, поскольку сами победители в то время таковыми себя не чувствовали – вплоть до поражения Колчака и Деникина.

С переездом в Москву Шмидт начал проработку постановления Совнаркома об эквивалентном товарообмене. Он наглядно продемонстрировал в своих работах специфику ситуации, сложившейся в разгар Гражданской войны: «Крестьяне, не получая мануфактуры, плугов, гвоздей и прочих предметов первой для них необходимости, разочаровываются в покупательной силе денег и перестают продавать свои запасы, предпочитая хранить вместо денег хлеб... Товарообмен уже и теперь повсеместно происходит в связи с мешочничеством. Прекратить этот стихийный процесс можно лишь одним способом, организовав его в масштабе государственном и тем превращая из средства дезорганизации продовольственного дела в могучее орудие его успеха» (Матвеева, 2006, с. 50). Однако на практике ведущая роль в товарообмене тех лет принадлежала командирам продотрядов, не изучавшим разработок Шмидта и руководствовавшимся революционной целесообразностью, усугубляя взаимную ненависть между городом и деревней.

На практике это означало, что не слишком компетентные представители советской власти на местах кое-как распределяли предназначенные для товарообмена ценности среди горожан, а крестьянам предпочитали продавать за деньги, обесценивавшиеся с каждым днем. На фоне отсутствия самого необходимого прибывшие по железной дороге вагоны с товарами не разгружались месяцами, а затем грузы нередко оказывались в кооперативных или частных распределительных пунктах. Реагируя на сложившуюся обстановку, ВЦИК и СНК приняли целый ряд постановлений (9 мая 1918 года декрет о введении продовольственной диктатуры, а 27 мая – о специальных органах снабжения). 11 июня 1918 года последовал декрет о создании в деревне комитетов бедноты 6 августа 1918 года – «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» с введением продразверстки и использованием вооруженных продотрядов: мероприятие, которое сельское население восприняло как попытку ограбления со стороны большевиков.

Шмидт, как член коллегии Наркомата продовольствия (которым он стал 3 сентября 1918 года), считал, что неизбежное принуждение крестьянства к изъятию хлеба «...должно носить характер государственной повинности, передающей в распоряжение государства излишки сельскохозяйственных продуктов... Хлебная монополия есть первый подход к осуществлению социалистического принципа на земле. На хлебную монополию нужно смотреть не только как на теоретическое, но и как на практическое требование момента» (Архив Академии наук СССР, ф. 496, оп. 2, д. 87, л. 1). Однако практика продотрядов оставалась

иной, а сами участники этих операций воспринимали идеи, вроде приведенных, в лучшем случае как «интеллигентские благоглупости», мешающие им в повседневной работе во имя победы мировой революции. Шмидт уже в ту пору умел вскрывать противоречия в теории и практике, что далеко не всегда устраивало народ и власть. Он писал: «На этой почве создавались недовольства, внешне выражавшиеся в ряде местных восстаний... Курс в пользу крестьянства, а результаты не в его пользу... Политика советской власти потерпела фиаско, так как несомненное противоречие налицо». (Там же, л. 2–7). Надо было делать выводы, как советской власти, так и крестьянству, а заодно и герою настоящей книги.

Еще одна попытка решить продовольственную проблему была предпринята партией через кооперацию и вновь директивными методами. Кооперацию декретом СНК от 20 марта 1919 года подчинили Наркомату продовольствия. По Шмидту, «...целью декрета 20 марта было осуществление тех организационных форм, в которых созданный кооперативным движением капиталистической эпохи аппарат мог бы продолжать нести полезные функции и принять на себя определенную часть хозяйственных заданий государства, в том числе все дело распределения продуктов... Мы не смотрим на кооперацию как на то яйцо, из которого именно и получится социализм, но видим в ней высокоценную форму, которая еще долго будет полезна... Надо смотреть правде прямо в глаза и точно сознавать, что то, что есть, всегда встречает недоверие со стороны всех, кто привык к другому порядку... Со стороны кооператоров мы слышим общее недовольство, вполне понятное, ибо то дело, которое они строили много лет, как-никак меняет свой облик в результате всей русской истории, войны и обеих революций... Всеобщее кооперирование, ставшее фактом, теперь становится общим организационным принципом и становится законом» (Экономическая жизнь, № 61, 20 марта 1920 года).

Еще раньше, в январе 1920 года, Ленин провел совещание по вопросу о кооперации при участии как партийной верхушки (Дзержинский, Бухарин, Каменев и т. д.), так и деятелей, непосредственно отвечавших за положение с продовольствием (Цюрупа, Брюханов и др.).

В своем докладе «О роли кооперации» Шмидт предлагал рассматривать ее как часть советского строительства, «приспособленную к вовлечению широких масс населения в дело осуществления хозяйственных задач как в деле распределения (в первую очередь), так и в деле заготовок... с дальнейшим овладением кооперацией путем увеличения партийного влияния во всех кооперативных организациях, с одной стороны, и путем слияния с потребительской кооперацией (кредитной, сельскохозяйственной и т. д.) – с другой» (Архив АН СССР, ф. 496, оп. 2, д. 89–95, л. 2–5). Отказаться от возможностей кооперации при существующем отчаянном положении, как предлагали иные партийцы, он считал «диким легкомыслием». Однако потребовалось слияние кредитной кооперации с потребительской в одном государственном учреждении – Центросоюзе, поскольку, по Шмидту, одна только «...кооперация не справилась с возложенной на нее задачей, но это было самое лучшее, что могло сделать государство; не было такого аппарата, которому можно было бы поручить дело распределения, тем более в момент острого кризиса» (ф. 496, оп. 1, д. 277, л. 8.). Увы, факт остается фактом – идея российской кооперации в ее первоначальном виде потерпела под натиском различных сил и влияний поражение, а вместе с ними и Шмидт – в своих попытках увязать советскую действительность эпохи Гражданской войны с реальными запросами голодающего населения, как партийного, так и не состоящего в партии. В результате активность одного из ведущих теоретиков той поры в области продовольственного обеспечения страны, изнемогавшей в муках братоубийственной Гражданской войны, во многом оказалась обесцененной. Ожидать иного на фоне смены фронтов и зон влияния красных и белых, при «самообеспечении» войск обеих сторон (в зависимости от обстановки то в виде реквизиций, а то и элементарного грабежа), при отсутствии необходимой статистики и т. д. едва ли оправдано. Возможно, этим и объясняется переход Шмидта в Наркомат финансов Совнаркома.

Он стал членом коллегии этого Наркомата 20 апреля 1920 года, возглавляя одновременно с августа того же года налоговое управление. Гражданская война шла к завершению. Советы, потерпев военную неудачу под Варшавой, задумывались перед открывающейся мирной перспективой, хотя Врангель еще пытался изменить ситуацию в свою пользу на нижнем Днепре и в Таврии. Это были уже последние конвульсии Белого движения. Гражданская война для обессиленной страны завершилась своеобразным военно-политическим клинчем при формальной победе красных, в лагере которых оказался и герой настоящей книги. На развалинах былой России ему предстояло найти себе достойное дело под стать собственным возможностям и амбициям, устроиться в новом обществе, целью которого была мировая революция под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А пока окружающая реальность выглядела жутко:

...За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами – города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды...

Автор этих строк Николай Тихонов рисует картины деградации одной из богатейших стран мира как следствие только что завершившейся Гражданской войны:

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

В 1921 году, принесшем несчастной стране очередные испытания (восстания в Кронштадте и на Тамбовщине, голод в Поволжье, обошедшийся в миллионы жизней), Шмидт возглавляет созданный еще в 1919 году в системе Наркомфина Институт экономических исследований. Он, таким образом, работает строго по своей специальности – в качестве исследователя сложившейся в стране тяжелейшей экономической и финансовой ситуации. Стоявшая перед советской властью (и Шмидтом) дилемма требовала, с одной стороны, «невинность соблюдения» по части намеченных «конечных целей», то есть мировой революции, а с другой – «и капитал приобрести», предоставив населению возможность восстановиться в условиях НЭПа хотя бы на физиологическом уровне. Народу грозило вымирание... По Шмидту, тогда требовалось стремление к «выгодности для государства во взаимоотношении с частным хозяйством, откуда берет начало принцип платности и стремление к коммерчески безубыточной постановке государственных предприятий» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 175, л. 1–7).

В обстановке, когда нарушены все производственные связи, отсутствует сырье, разогнан и уничтожен квалифицированный персонал, Шмидт считал, что «...нужно создавать прежде всего рынок, спрос и интерес к своим изделиям, так всегда делали предприятия частной инициативы, которые торговали первое время в убыток, чтобы создать себе имя и приобрести покупателей... Уравновесить бюджет страны можно только путем сокращения расходов на управление и оборону, разбухших канцелярий, которое компенсируется улучшением

положения служащих, лишних аппаратов» (д. 98, л. 8–9). Как к подобной перспективе могла отнестись еще юная командно-административная система, ценящая собственное благополучие выше блага трудового народа и той же мировой революции? Ответа на этот вопрос ждать не приходилось, и Отто Юльевич сформулировал еще один «простенький» вывод: «Размер самой платы должен гарантировать безубыточность хозяйственной деятельности государства и давать излишек, доход на покрытие необходимых нехозяйственных расходов (управление, оборона)...» (д. 175, л. 8). Что касается распределения доходов, то Шмидт предполагал большую самостоятельность на местах, полагая, что такая децентрализация будет способствовать восстановлению экономики в регионах. Более того, по его мнению, «...давая свободу частному капиталу, государство не должно стеснять свободы передвижения денег... Поскольку государство заинтересовано в развитии некоторых сторон частного хозяйства, оно должно, в особенности в первое время, помочь ему кредитом» (Там же).

Как специалист, Шмидт понимал, что одной из узловых проблем сложившейся обстановки в хозяйственной жизни страны является денежная эмиссия и связанные с ней явления. Выступая 23 ноября 1922 года в Коммунистической академии перед аудиторией, пришедшей в застиранных гимнастерках и заношенных кожанках, и несмотря на усталость и раны фронтовых лет, мысленно ориентированной со всем пылом пассионарности на мировую революцию, Шмидт начал с небольшого исторического экскурса:

«Законы денежной эмиссии теоретически очень мало изучены, экономическая наука прошлого периода ограничивалась описанием вреда, проистекающей от эмиссии, да легкими советами, как после прекращения эмиссии восстановить “нормальную” денежную систему.

Эти исследователи смотрели на эмиссию как на преходящую тяжелую болезнь народного хозяйства, но патологией этого явления не интересовались.

Между тем большим государствам не раз приходилось много лет жить в условиях эмиссии. Самым знаменитым примером – до нашей эпохи – была французская революция, в течение которой бумажные деньги оказались обесцененными в 300 раз. Советская Россия показала пример гораздо более изумительный: эмиссия привела к падению рубля в 10 000 000 раз, не вызвав тем не менее государственного банкротства...

Несомненно, что мы не должны в период эмиссии приостанавливать теоретические работы до восстановления рубля. Период эмиссии длится долго, за это время проводятся крупнейшие реформы, происходят колоссальные сдвиги в народном хозяйстве. Нельзя не поставить себе задачи изучения законов эмиссии как для лучшей ориентировки в современности, так и для большей стабилизации денежной единицы... Мы делаем попытку применить к эмиссии те приемы и методы, которые усвоены математической физикой. Исходя из убеждения, что такие массовые явления, как, например, цены во время эмиссии, несмотря на колебания отдельных сделок, подчиняются в общем и среднем доступным точному изучению, мы ставим себе задачей обнаружить в форме точных математических законов зависимость эмиссии от тех или иных факторов, в первую очередь зависимость эмиссии от времени, характер того неизменного непрерывного роста эмиссии, который мы наблюдали».

Актуальность этой работы, опубликованной первоначально в «Вестнике Коммунистической академии», в книге 3 за 1923 год, подтверждается перепечаткой в сокращенном варианте в сборнике «Экономика и математические методы» в 1989 году (т. 25, вып. 1, с. 47–48), в эпоху перестройки и грядущего возвращения страны в капитализм.

Не случайно реакция властей предрежащих на выводы, оценки и рекомендации Шмидта, мягко говоря, оказалась неоднозначной. Так, Е.А. Преображенский назвал доклад Шмидта «сплошными парадоксами», считая его предложения более грубыми, чем его же экономический анализ. Другой его критик, В.А. Базаров, отметил, что работа Шмидта «не может дать никаких практически ценных указаний эмиссионной деятельности Наркомфина,

чем, однако, ничуть не подрывается ее теоретический интерес» (Прения до доклада Шмидта. Вестн. Ком. академии, 1923, т. 3, с. 262). Правда, известный экономист и математик Е.Е. Слуцкий поддержал Шмидта, как и Л.Н. Крицман, посчитавший, что докладчик «...сделал полезное дело, за которое мы должны быть ему благодарны». Тем, по сути, дело и ограничилось, а со временем, по мнению Л.В. Матвеевой (2006), работа Шмидта оказалась забытой.

Теоретизирования Шмидта в области как продовольственных дел, так и финансов, при всей его готовности использовать математический аппарат, не привели к какому-либо прорыву на указанных направлениях. Определенно Шмидт на этом этапе своей деятельности не встретил понимания у правящей советской элиты, одновременно обнаружив определенную склонность к конфликтности. В верхах партийного и государственного руководства той поры ценилось пролетарское происхождение и набирало силу сталинское окружение, не склонное к излишнему теоретизированию. К сожалению, в опубликованных работах герой книги не делится своим отношением к представителям власти и не дает оценок происходящих событий.

Так или иначе, его обращение к прикладной науке не случайно. В первую очередь это относится к работе Шмидта в Главном комитете профессионально-технического образования (Главпрофобр), целью которого была подготовка необходимой квалифицированной рабочей силы, в значительной мере потерянной на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. В состав этого комитета входили такие видные специалисты, как О.Г. Аникст, Ф.В. Ленгник, В.Г. Козелев, А.И. Скворцова. Срочно требовалось провести реформу школы, состояние которой нашло отражение в художественной литературе («Республика Шкид» Белых и Пантелеева, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Два капитана» Каверина и т. д.). Читателю понятно, какие огромные усилия требовалось приложить, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Выработка конкретных мер ложилась именно на Главпрофобр и, в частности, на заместителя главы комитета в лице Шмидта, который распоряжением Ленина одновременно становился и членом коллегии Наркомпроса, приобретая тем самым весьма широкими полномочиями. Свои взгляды на предстоящую деятельность Шмидт изложил следующим образом: «Необходимо покрыть всю Россию сетью таких техникумов в соответствии с экономическими условиями каждого района. В 1920 году должно быть положено начало этому делу в виде учреждения техникумов по основным специальностям в крупнейших центрах провинции и в Петрограде, с одновременным пересмотром существующих (в частности, в Москве) и закрытием нежизнеспособных... Ряд практических (нужды хозяйства в ближайшие десятилетия) и теоретических соображений заставляют Главпрофобр не довольствоваться политехническим образованием юношества, а стремиться к созданию различных форм школ с профессиональным уклоном и серьезным изучением определенной специальности» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 103, л. 3–4).

На этот раз ему оппонировали более суровые критики в лице А.В. Луначарского, Н.К. Крупской и некоторых других партийных и государственных деятелей, выступавших за более широкое политехническое образование и поддержанных Лениным. К нему, как к верховному судье, нередко апеллировали противники Шмидта в лучших традициях командно-административной системы. Точку зрения Шмидта разделял лишь Г.Ф. Гринько, нарком просвещения Украины, остававшийся его верным союзником. Постепенно из хаоса самых необходимых исходных понятий и позиций в процессе дискуссий по вопросу о подготовке трудовых кадров определились два направления: 1) профессиональное во главе со Шмидтом и Гринько и 2) политехническое с трудовым, возглавляемое Луначарским, Крупской и З. Лилиной.

Отстаивая свою точку зрения, Отто Юльевич говорил, что при подходе к делу его оппонентов «...вузов хватит только для небольшой части населения, а остальным приходится вступать прямо из средней школы в жизнь. Поэтому, провозглашая этот принцип, мы обес-

печиваем лишь интересы меньшинства (практически детей интеллигенции) и остаемся равнодушными к судьбе огромного большинства учащихся... Трудовой принцип осуществлен, только дети ничего не делают» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 106, л. 3, 8). Читатель, очевидно, отметит актуальность этих строк девяносто лет спустя...

В полной мере столкновение мнений произошло на партийном совещании в первых числах 1921 года, где Шмидт выступил с двумя докладами «О задачах профессионального образования» и «О высшей школе» с собственной концепцией, целью которой было: «1) выработать вполне развитых людей, владеющих научными методами и способных к социалистическому строительству, 2) подготовить молодежь к практической работе в этом строительстве» (там же), что приходило в противоречие с программой РКП(б), утверждавшей, что «общее образование должно доходить до 17 лет, потому что это минимальный возраст, при котором мы можем сделать человека гражданином и коммунистом». Столкновение, таким образом, было неизбежным, и для начала ему предшествовала резкая реакция Ленина на результаты совещания: «Гринько, видимо, пересобачил до глупости, отрицая политехническое образование (может быть, частью и О.Ю. Шмидт). Исправить это... Временную меру, вызванную нищетой и разорением страны, Шмидт пытался возвести в принцип. Выступая в печати против политехнического образования, он ратовал за монотехническое...» (т. 42, с. 230). Резкий «обмен любезностями» продолжался и далее, причем высказалась в «Правде» (за 23 февраля 1921 года) и Крупская, критиковавшая Шмидта с его мнением, что «трудовая политехническая школа весьма пригодна для украшения программы коммунистической партии, но в жизнь ее провести нельзя и надо поставить на ней крест». Крест, однако, был поставлен на работе Отто Юльевича в Главпрофобре после того, как Крупская в «Правде» от 8 марта задалась вопросом и сама же на него ответила: «Имел ли право Шмидт выступать на совещании учителей г. Москвы против трудовой и политехнической школы? Он не имел права».

Похожая ситуация повторилась и по результатам деятельности Шмидта на поприще вузовского образования, которое находилось в не менее плачевном состоянии, чем школьное. В одном из писем того времени В.И. Вернадский так оценивал его положение: «Идет окончательный разгром высших школ: подбор неподготовленных студентов рабфаков, которые сверх того главное время проводят в коммунистических клубах. У них нет общего образования, и клубная пропаганда кажется им истиной. Уровень требований понижен до чрезвычайности – университет превращается в прикладную школу. Политехнические институты превращаются фактически в техникумы. Понижение образования чрезвычайное и объясняется “демократизмом”». (Н.М., 1989, № 12, с. 208).

Планы Главпрофобра предусматривали также реформу высшей школы применительно к нуждам народного хозяйства в специалистах высшей квалификации на основе реформы высшего образования, которую проводил ГУС – Государственный ученый совет, учрежденный еще в феврале 1919 года. Шмидт также вошел в состав этой организации, причем возглавив научно-техническую секцию.

По мнению Шмидта, целью «...завоевания высшей школы политически» было обеспечение революционной направленности в ее работе, политического воспитания всех студентов, а также подготовки специалистов из среды пролетариата.

Этим критериям, разумеется, не отвечала старая университетская школа с ее претензией, по Шмидту, «давать “строгое научное” образование при полном игнорировании того, что 99 % выходили из школы не в научную работу, а в ту или иную практическую. Благодаря полному отрыву от жизни при этом и сама наука превратилась в мертвую схоластику. Этот порок не только губил прежние университеты (особенно математический и филологический факультеты), но и царил в других высших учебных заведениях, вплоть до технических... Искореня этот порок, нельзя, однако, просто превратить высшую школу в чисто

практическую, ибо задача подготовки ученых в различных отраслях науки и преподавателей из тех же высших школ есть не менее важная задача, без решения которой и практика немедленно измельчает и остановит свой прогресс. Правильный выход заключается в принципиальном разделении обеих задач: подготовка массового работника – специалиста и подготовки научного работника-исследователя... Необходимо развивать и те и другие, причем создавать вузы с большой осторожностью лишь там, где имеются научные работники и научные лаборатории, а техникумы создавать возможно энергичнее, где только есть достаточные кадры преподавателей-практиков и практическое оборудование» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 108, л.1).

Похоже, что ветры и пафос революции настолько захватили Отто Юльевича в период написания этого документа, что в стремлении порвать с прошлым и оказаться в светлом будущем он, мягко говоря, «перегнул палку» или, используя выражение Ильича, «пересобачил». Ведь по гимназическим учебникам Киселева и многих других училось не одно поколение советских школьников, а дореволюционные издания «Просвещения» широко использовались в учебниках по географии и биологии советского времени, не говоря уже о заимствованиях из гимназического географического атласа Э.Ю. Петри. Одним словом, Отто Юльевич, высказываясь о высшем образовании на раннем советском этапе его становления, погорячился... но в меру, – с кем не бывает.

Пока же для школьников и студентов, которым предстояло строить новую жизнь, надо было срочно решать проблему новых учебников, что вызывало у самого Шмидта массу вопросов: «Ждать ли, пока они будут написаны? Предоставить школе и вузам питаться остатками старых или дать учебники, хоть частично политически исправленные и обновленные?.. Мы знали, что нас будут за это ругать, и нас действительно ругали. Тем не менее я убежден, что мы были правы – благодаря этому выпуску в 1922–1923 гг. школьная жизнь воскресла, вновь начались правильные занятия. А теперь, конечно, нужен дальнейший шаг – от компромиссных учебников перейти к действительно новым, вполне отвечающим задачам школы» (Петров, 1959, с. 145–146).

Отметим также педагогическую деятельность Отто Юльевича, которую после переезда в Москву он начал с чтения лекций по математике в Московском лесотехническом институте. Продолжилась она с 1923 года во 2-м Московском государственном университете (позднее Педагогический институт имени В.И. Ленина), а с 1928 года – в МГУ. Не ограничиваясь лекционным курсом, он активно участвовал в разработке планов, программ, руководстве научными семинарами и т. д. Много сделал для поддержки ученых по линии ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых), что в холодные и голодные годы имело первостепенное значение. Если же учесть, что к ученым в ту пору относились как к неким «пережиткам старого режима», деятельность Шмидта способствовала повышению их общественного статуса, особенно после награждения их Ленинскими премиями, в учреждении которых Отто Юльевичу принадлежит немалая роль. Не случайно среди первых лауреатов Ленинских премий оказались такие корифеи нашей науки как академики В.А. Обручев, Н.И. Вавилов, Д.Н. Прянишников, А.Е. Чичибабин.

На фоне организационной деятельности приобщение к последним достижениям мировой науки для Шмидта явилось глотком свежего воздуха. По свидетельству профессора А.Г. Куроша, «...весной 1927 года Отто Юльевич был в двухмесячной научной командировке в Геттингене, где в то время активно работала школа Эмми Нетер по общей или “современной” алгебре. Отто Юльевич быстро вошел в круг идей этой школы и, возвращаясь к тематике своих первых студенческих работ, исключительно изящным и филигранным методом доказал для одного достаточно широкого класса не обязательно конечных и не обязательно коммутативных групп теорему, частными случаями которой оказались и теорема Круля, и теорема Ремака. Эта теорема вошла затем в золотой фонд теории групп. Можно сказать, что с

нее и относящихся примерно к тому же времени, но посвященных другим вопросам результатов Прюфера и Шрейера вообще начинается общая теория бесконечных групп» (1959, с. 55–56).

Особое место в работе Шмидта тех лет занимает его деятельность в Госиздате, где он «...старался содействовать и выходу научных сочинений и произведений современной литературы» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 425, л. 11). Назначение Шмидта на руководство после убийства Воровского белогвардейцами в конце 1921 года тут же вызвало протест Наркомфина, адресованный Ленину: «...новые задачи финансовой политики Республики сейчас в общем итоге важнее Госиздата... разрушение этой работы в самый острый момент объективно нежелательно» (Там же, л. 12). Ленин решил по-своему: возглавляя Госиздат, Шмидт оставался членом коллегии Наркомфина.

Начало работы Шмидта в Госиздате совпало с введением НЭПа, что позволило для издания учебной литературы, например, привлекать частные издательства. Тем более, что, как отмечал видный книгоиздатель тех лет И.Д. Сытин, доживший до советского времени, «...масштаб работы частных издательств крайне незначителен и в сравнении с Госиздатом просто ничтожен. Давая частным издательствам задания на издание книг на контрагентных началах, Госиздат тем самым дает им возможность стать на ноги. Этим одновременно достигается использование богатого опыта старых издателей» (Там же).

Что касается самого Шмидта, то, по его мнению, «...пусть каждый делает полезное дело. Госиздат должен показать, что он печатает книги легко, хорошо и дешево, тогда он будет, конечно, вне конкуренции» (Там же, д. 409, л. 9). «В России осуществляется очень любопытный опыт. Мы создаем самое большое в мире издательство, но ставим ему не коммерческие цели, а культурно политические» (Там же, д. 414, л. 6). Работа в Госиздате оказалась сложной не только в силу поставленных перед ним задач, но из-за изношенности технической базы, печатных машин, шрифтов, типографского оборудования, отсутствия бумаги и т. д. Тем не менее, одновременно с изданием классиков марксизма-ленинизма и многочисленных учебников, а также до сорока журналов, вышли в свет многие книги по истории и культуре. За 1920–1924 годы Госиздат увеличил свои тиражи в десять раз, сосредоточившись, естественно, на советской тематике. «Книга, – утверждал Шмидт, – хороший плуг, медленно, но верно поднимающий пласт за пластом. Трудно учесть громадность того культурного переворота, который произошел и продолжается на наших глазах. Сотни тысяч таких книг, как “Азбука коммунизма”, “Русская история” М.Н. Покровского, сотни тысяч “Коммунистического манифеста” – эти цифры, невозможные в буржуазной Европе, дают нам представление о том, как ширится образование народа и в чем его главные запросы. А можно ли достаточно учесть значение того теоретического углубления революционной практики, которое приобрели передовые слои чтением десятков тысяч экземпляров “Капитала”, а в особенности 100 000 тиражом сочинений В.И. Ленина?

Размах и характер переживаемого нами глубочайшего культурного переворота особенно проявляются в научной книге. Строить социализм мы будем на научной основе, на основе марксистской теории и марксистской переработки всего великого, накопленного наукой» (Госиздат за 5 лет, 1922).

На новом поприще у Шмидта порой возникали непростые ситуации, как, например, с изданием книги А.Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса», находившейся, как показывает ее заголовок, на стыке естественных и общественных наук. Возникающие при этом коллизии характерны как для прошлого, так и для современности. Как правило, подобные ситуации отличаются крайностями как сторонников, так и противников различных взглядов. В ту пору идеи Чижевского поддерживали физик академик П.П. Лазарев, нарком просвещения А.В. Луначарский, физиолог и врач академик В.Я. Данилевский и его коллега В.М. Бехтерев и даже престарелый бывший народоволец Н.А. Морозов. Это вовсе

не означало, что взгляды Чижевского получили всеобщее признание. Например, его противниками до конца оставались не менее авторитетные в науке биолог академик М.М. Завадовский и его брат и коллега Б.М. Завадовский.

Со слов П.П. Лазарева известно, что Шмидт в описанном случае возражал против объяснения активности народных масс следствием изменений солнечного излучения, что, по его мнению, принижало роль рабочего класса. За это Лазарев назвал Шмидта «пламенным ортодоксом»... В итоге, при встрече с Чижевским Шмидт известил его: «Госиздат, к сожалению, сейчас не может взяться за публикацию вашего дискуссионного труда по уважительным причинам... Не сердитесь, прошу вас, на меня. Я огорчен, что не могу быть вам полезным как заведующий Госиздатом». Главной среди «уважительных причин» была грядущая отставка Шмидта по требованию Сталина из-за издания работ Троцкого. А кто в середине 20-х годов мог определить, за кем будущее – за Троцким или за Сталиным? Очевидно, уже в ту пору мнение преемника Ленина на посту пролетарского вождя перевешивало точку зрения всех оппонентов из числа перечисленных выше. Видимо, это первый контакт (пока не непосредственный) будущего академика и всенародного героя с Великим Диктатором. Но не последний, как показало будущее. Известно, что товарищ Сталин не забывал чужих прегрешений...

Книга Чижевского была опубликована в 1924 году в Калуге в частном издательстве. В том же году Шмидт оставил руководство Госиздатом после резких расхождений в оценке деятельности этой организации в правительстве, предварительно заявив: «У нас, в сущности, продолжается военный коммунизм. Мы, не имея достаточного капитала, все время занимаемся тем, что составляем и пересоставляем планы, точно Компрод в 1918 году. В этом смысле – это прошлое, но в то же время это и настоящее» (Там же, ф. 422, л. 2). Как считает Матвеева, «слишком прямое и честное выступление О.Ю. Шмидта не осталось без внимания. Через 10 дней после совещания 20 ноября 1924 года. Наркомпрос освободил О.Ю. Шмидта от должности заведующего Госиздатом с оставлением за ним других обязанностей по Наркомпросу» (2006, с. 102).

Не справившись, по сути дела, с ролью советского и партийного пропагандиста в Госиздате, Шмидт гораздо успешнее проявил себя в руководстве изданием Большой Советской энциклопедии. Она строилась, с одной стороны, на базе обязательного марксистско-ленинского мировоззрения, а с другой, – с учетом требования дать доступное чтение широким слоям трудового народа – не слишком образованного, но стремящегося к знанию. В таком контексте советское государство могло расщедриться, отпустив необходимые средства, а многочисленные представители интеллигенции, выжившие в нечеловеческих условиях Гражданской войны (не эмигрировавшие или не высланные на «философском пароходе»), могли рассчитывать на достойную работу по просвещению и образованию собственного народа.

Создание Большой Советской энциклопедии началось с инициативной группы в 1923 году. Одобрение ЦК РКП (б) было вынесено 17 апреля 1924 года, а назначение Шмидта главным редактором состоялось только 15 января 1925 года. Состав редакции включал, помимо О.Ю. Шмидта, также В.В. Куйбышева, М.Н. Покровского, Л.Н. Крицмана, Л.Н. Мещерякова, В.П. Милютина, И.И. Скворцова-Степанова, Г.М. Кржижановского, к которым позднее присоединились Н.И. Бухарин, Г.И. Бройде, Н. Осинский, Е.А. Преображенский и К. Радек. Показательно, что Шмидт находился во главе редакции БСЭ вплоть до 1941 года, когда был освобожден от этой должности по условиям военного времени. На качестве этого издания, несомненно, отразился состав ведущих специалистов. Так, военный отдел в те первые годы издания БСЭ вели М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевский, отдел медицины – Н.Н. Бурденко и Н.А. Семашко, за раздел естествознания и точных наук отвечал академик А.Ф. Иоффе, за исторический раздел – М.Н. Покровский, за искусство – И.Э. Грабарь, литературный отдел возглав-

лял В.Я. Брюсов, обширный технический раздел – И.М. Губкин, М.А. Павлов и Л.К. Рамзин. Сам президиум Главной редакции БСЭ в письме в ЦК ВКП(б) особо отметил, что «энциклопедия возникла по идее Шмидта, он ее рассматривает как дело своей жизни и отдает ей все свои силы» (Петров, 1959, с. 155). Несомненно, во-первых, БСЭ стала одним из успешных детищ Шмидта, во-вторых, он сумел наладить работу редакции таким образом, что она продолжалась, даже когда «шеф» в ближайшем будущем на месяцы исчезал в свои арктические походы. Та, первая БСЭ не устарела и по настоящее время, поскольку зафиксировала состояние науки и общества на годы издания и, таким образом, является ценным отправным источником для характеристики последующих изменений в советской культуре.

Описание деятельности Отто Юльевича в 20-е годы было бы неполным без рассказа о его участии в работе Социалистической (с 1924 года Коммунистической) академии, членом которой он был избран в 1921 году. Сама академия начала свою деятельность с лета 1918 года. Согласно утвержденного Совнаркомом положению, «Социалистическая академия общественных наук есть свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями», что отвечало интересам Шмидта к взаимосвязям философии с естествознанием. Это направление активно исследовалось с коммунистических позиций в секции естественных и точных наук при участии или с привлечением таких ученых и специалистов, как А.Н. Бах, С.И. Вавилов, М.Я. Выгодский, А.С. Серебровский, И.И. Скворцов-Степанов, И.Е. Тамм, А.К. Тимирязев, В.Г. Фесенков, С.С. Четвериков и другие. По Матвеевой (2006), «...основная работа, которую наметила секция, заключалась в углубленном изучении проблем естествознания под углом зрения диалектического материализма. В итоге определились три основные линии, по которым велась работа секции: экспериментальная разработка наиболее принципиальных и важных вопросов; изучение философских проблем естествознания; углубленное изучение истории науки» (с. 108). Есть все основания считать эксперимент наиболее сильной стороной деятельности Отто Юльевича, судя по его деятельности в Арктике. Что касается истории науки, то одно только предложение о создании Института по изучению истории естествознания (почти на двадцать лет ранее Института естествознания и техники АН СССР) ставит его в положение первопроходца. Несомненно, для Шмидта история науки была частью общей культуры специалиста, необходимой для ученого всех направлений и специальностей.

Десятилетие 1918–1928 годов для Шмидта в свете дальнейших событий его биографии по-своему показательно. В целом – типичная судьба интеллигента, застигнутого революционной бурей и воспринявшего идеи революции, но, очевидно, не ее практику, особенно в крайностях. Он работал на самых наукоемких направлениях, что отвечало его образованию и складу характера. Вместе с тем практически каждый раз на новом месте он вступал в определенный конфликт с властью предрежащими, отчего в ряде случаев его работа не получала достойного завершения, реализации, – финал его деятельности оказывался не в его пользу.

Обладая необходимым образованием, талантами администратора и дипломата, многими несомненными достоинствами как в рабочих, так и в личных отношениях, получив необходимый опыт и связи в «высшем свете» советского общества, он, видимо, не был удовлетворен достигнутым. Слишком многим его достоинствам и качествам пока не находилось применения. Отсюда смена направлений, благо общая обстановка неустроенности и общественной незавершенности позволяла делать это свободно. Однако по своему общественному положению Отто Юльевич оставался чиновником достаточно высокого ранга, его должности для большинства – предел мечтаний.

Вместе с тем уже в это время у него наблюдается избыток энергии, характерный для пассионарных натур. Но это проявляется не в струе политической борьбы, которой он явно избегает (как и партийных должностей), и не в партийных дискуссиях, характерных для того

времени, при столкновении троцкистской и сталинской точек зрения на развитие страны и партии. Шмидт предпочитает оставаться вне партийных споров, не проявляя сколько-либо заметной активности в вопросах идеологии, что сыграло важную роль в будущем.

Неудовлетворенность, присущая многим одаренным натурам и требующая выхода, проявлялась, в частности, в его увлечении альпинизмом – занятии, связанном в те годы с ликвидацией белых пятен на карте страны.

Глава 3

1928. Побег на Памир

*...Зачем все это людям нужно, —
Блаженный, страшный путь зачем?
Вершина! Сердце отдыхает,
И странный мир со всех сторон
Лежит под ними, в тучах тает,
И подвиг воли завершен.
Как знать, что он обозначает?*

Н. Тихонов

С самого начала Отто Юльевича привлекала не только сама возможность сменить будничную жизнь советского чиновника на приключения в горах Средней Азии, чтобы дать выход избытку сил еще не старого организма. Сама идея побывать в белом пятне на карте страны, участвовать в его ликвидации, оказалась настолько привлекательной, что избежать соблазна поучаствовать в первооткрывательстве было для него невозможно. Эта черта его характера в ближайшем будущем получит мощное развитие, во многом определив его судьбу и на десятилетие вперед сделав его тем самым Шмидтом, каким он вошел в историю страны. Прежде, однако, остановимся на истории самого белого пятна, в ликвидации которого ему предстояло принять непосредственное участие.

Неисследованное пространство в самом сердце Памира оставалось, поскольку первоначальные усилия исследователей были направлены на изучение пограничных окраин этой горной страны, поиски коммуникаций и создание пограничных постов. Этому в немалой степени способствовал и сам рельеф высокогорной пустыни, за которой маячили перевалы в Китай и Индию, определявшие стратегическое значение «крыши мира». Былое колониальное противостояние двух крупнейших империй мира даже в свете грядущей мировой революции отнюдь не утратило своего значения, внешне приобретя иную политическую окраску.

Это противостояние отчетливо обозначилось в последние десятилетия XIX века, когда навстречу друг другу устремились разведчики и исследователи (во все времена разница между этими профессиями была достаточно условной) из Британской Индии и азиатских владений России.

Однако прежде сказали свое слово ученые. В 1871 году Федченко установил положение грандиозной Алайской долины, за которой к югу возвышались нагромождения высочайших вершин горного узла Памира. Спустя пять лет эту долину пересекала военная экспедиция М.Д. Скобелева, будущего героя очередной Русско-турецкой кампании. По перевалу Кызыларт она вышла на Восточный Памир, по характеру рельефа больше напоминавший плоскогорье с ландшафтами высокогорной пустыни и грандиозным солоноватым озером Кара-Куль посередине. На следующий год геолог И.В. Мушкетов с перевала Тер-Сагар Заалайского хребта описал грандиозную долину Мук-су с не менее грандиозным пиком в броне ледников с местным названием Музджилга. Этот пик служил очень надежным ориентиром в будущем, потому что его невозможно было спутать с каким-либо другим. В верховьях долины Мук-су другой известный русский исследователь, В.Ф. Ошанин, в 1878 году обнаружил, как «... поперек долины проходит какой-то вал, который нигде не представлял значительного понижения... Я был сильно заинтересован этим странным образованием, — пишет ученый, — и долго не мог понять, что бы это могло быть. Наконец, когда мы приблизились на какие-нибудь полверсты, дело разъяснилось. Перед нами был конец громадного ледника... Пусть

Федченковский ледник и в далеком будущем напоминает путешественникам имя одного из даровитейших и усерднейших исследователей Средней Азии».

Хотя Ошанину, таким образом, принадлежит открытие одного из крупнейших ледников в мире, сам он считал, что его длина составляет не менее чем 15–20 верст. Подобное заблуждение – неслучайно: находясь в узкой долине, в окружении грандиозных вершин, он из-за условий обзора не имел возможности оценить его реальную величину.

Практически одновременно другой русский исследователь Средней Азии, Н.А. Северцев, обобщив собственные наблюдения и сопоставив их с материалами предшественников, следующим образом определил значение Памира: «Есть цельная, симметричная, хорошо ограниченная горная система – орографический центр всего азиатского материка... колоссальный горный узел, соединяющий Высокогорную Азию с Передней». И в самом центре этого горного узла, с которым предстояло разбираться еще полвека, находился таинственный ледник Федченко неизвестных размеров, привлекавший внимание многочисленных исследователей.

Не касаясь всей истории исследований Памира, отметим лишь три события, имеющие непосредственное отношение к работе советской Памирско-Таджикской экспедиции. Первое – приближение к средней части ледника Федченко с востока по долине реки Танымас, в переводе означающей «ты меня не узнаешь». Оно было выполнено в 1887 году известным русским путешественником Г.Е. Грум-Гржимайло, в честь которого были названы ледники в верховьях этой реки.

Второе – замечательный маршрут военного топографа капитана Н.И. Косиненко, который летом 1909 года пересек Алайскую долину и с водораздела Заалайского хребта увидел долину Мук-су. «С перевала Тер-сагар эта долина представляется громаднейшим провалом, глубиной около трех тысяч футов, по дну которого разбегаются многочисленные рукава Мук-су. Впереди за нею возвышаются три пика, высотой не менее двадцати тысяч футов, более чем наполовину покрытые снегом». Караван этого топографа затем поднялся вверх по Мук-су, благодаря опытным погонщикам одолел свирепые водные потоки на подходах к леднику и в конце концов по моренному плащу поднялся на сам ледник Федченко, который оказался проходимым для лошадей. «Жутко было ступать по этой неведомой, никогда не знавшей человеческих следов области, где ожидало нас множество опасностей, свойственных этому царству льда». Однако в этом предположении Косиненко ошибался: вскоре за западным ледником-притоком, получившим название Бивачный, он обнаружил каменную пирамиду, сложенную в виде опознавательного знака. Возможно, это был своеобразный ориентир для каратегинских таджиков, совершавших набеги на земли киргизов в Алайской долине, при выходе к таинственному перевалу Кашал-Аяк, слухи о котором доходили до исследователя.

Примерно в 18 верстах от Бивачного отряд Косиненко вышел на ровное ледниковое поле, откуда и был предпринят поиск таинственного перевала в юго-западном направлении. Там разведчики уперлись в непроходимый обрыв. «Был ли это перевал Кашал-Аяк? – вспоминал позднее Косиненко. – Трудно сказать... Все возможные попытки найти путь в долину Ванча через этот “Ледовитый океан” потерпели неудачу». В создавшейся ситуации Косиненко оставалось возвращаться вниз по языку ледника. Оттуда он предпринял бросок на восток по реке Баляндкиик, затем перешел в долину реки Танымас, а позднее по верховьям Бартанга добрался к устьям долин Язгулем и Ванч. Тем самым площадь белого пятна на Памире существенно сократилась. Дальнейшее сужение этого белого пятна произошло благодаря исследованиям экспедиции Русского географического общества, когда в 1916 году астроном Я.И. Беляев добрался с запада в район пика Гармо, а П.И. Беседин подошел к верховьям ледника Федченко по долине реки Ванч, буквально упершись в неизвестный ледник, названный им в честь Русского географического общества. Определенно таинственный

перевал Кашал-Аяк располагался где-то в истоках обоих ледников, но определить его положение можно было, лишь обнаружив его на местности, пока не доступной.

Третье выдающееся событие в истории изучения Памира – маршруты и открытия Н.Л. Корженевского, начавшего свои работы в дореволюционное время. В июне 1924 года он поднялся на ледник Федченко. «При восхождении на ледник Федченко благодаря отсутствию облачности удалось выяснить истоки ледника Танымас и установить наличие горного хребта, отходящего на юго-юго-запад от пика Музджилга, увенчанного в этой части громадной обледенелой вершиной». На будущее читатель должен иметь в виду, что истоки реки Танымас находятся у восточных пределов ледника Федченко, а ледник – вблизи его конца и, таким образом, два этих разных Танымаса удалены друг от друга не менее чем на 70 километров. Корженевский правильно оценил орографическое значение хребта, уходящего от Музджилга на юго-юго-запад, назвав свое открытие в честь Академии наук – по случаю двухсотлетнего юбилея этой научной организации. На следующий год Корженевский побывал в верховьях реки Танымас с ледником Музкулак. Тем самым он связал воедино как собственные маршруты, так и походы Грум-Гржимайло и Косиненко воедино, отчего проблема белого пятна в центре Памира обозначилась со всей отчетливостью.

Академическая Памирская экспедиция 1928 года была частью юбилейных мероприятий в связи с двухсотлетием Академии наук и одновременно использовалась для укрепления научных контактов с западноевропейскими странами. Для участия в ней были приглашены зарубежные специалисты. Фототеодолитную съемку, оправдавшую себя ранее в Альпах, в частности, проводил профессор Рихард Финстервальдер с помощниками, включая группу альпинистов из пяти человек. В литературе особо отмечается, что экспедиция была организована совместно Академией наук СССР и *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft* из Германии. Начальником экспедиции был назначен биолог и химик Н.П. Горбунов, активный участник революционных событий, в те годы работавший в аппарате советского правительства. С ним Шмидт был знаком лично. Помимо Горбунова, советская сторона была представлена геологом Д.И. Щербаковым (заместителем начальника экспедиции, впоследствии академиком), Корженевским, астрономом Беляевым, геодезистом К.В. Исаковым, военным топографом И.Г. Дорофеевым, зоологами А.Н. Рейнхардтом и Г.Н. Соколовым, не считая рабочих. В ее составе были также красноармейцы-пограничники и местные жители. Эти работы обеспечивала группа советских альпинистов во главе с Н.В. Крыленко (в то время генеральный прокурор РСФСР), включавшая Шмидта, Е.Ф. Розмирович (советский правовед, представляла НК РКИ), Е.М. Россельса и Л.А. Перлина. Один этот перечень показывает, что в те годы альпинизм был привилегией советской элиты. Немецкую группу во главе с доктором В. Рикмерсом представляли геодезисты Финстервальдер и Х. Бирзак, а также альпинисты П. Борхерс, Е. Альвейн, Е. Шнайдер, К. Вин и Ф. Кольхаупт.

Наша альпинистская группа задержалась в Москве и смогла выступить из Оша (традиционная база многочисленных экспедиций, направлявшихся на Памир) лишь 23 июля. Вместе с руководством экспедиции она прошла черед перевалы Джиптык в Алайском хребте и Кызыларт в Заалайском хребте с кратковременным посещением озера Кара-Куль и добралась до полевого лагеря в верховьях реки Танымас только 15 августа. Не считая кратковременных тренировочных восхождений на ближайшие вершины, альпинистам не было пока подходящей работы.

Тем временем другие участники экспедиции (включая немецких альпинистов и специалистов) одновременно с топографом Дорофеевым и астрономом Беляевым всю осваивали ледник Федченко, в частности, создав на высоте 3700 метров базовый лагерь № 1 у ледника Муз-Кулак (Грум-Гржимайло на современных картах), получивший из-за продолжительных пылевых бурь среди участников экспедиции прозвище Пыльный. Поблизости астроном Беляев отнаблюдал астрономический пункт, положив начало созданию сети в

местных координатах. К тому времени был обнаружен доступный участок для подъема на ледник Федченко по так называемому Танымасскому лоскуту.

Еще 3 августа 1928 года им воспользовался Дорофеев со своими помощниками, осторожно продвигаясь на запад, тщательно отслеживая разворачивавшуюся перед ним панораму горных цепей и ледников. «Мы увидели ледник шириной в 3–4 километра и длиной около 30 километров. Его верхний конец с многочисленными боковыми притоками упирался в белоснежную стену какого-то хребта. Склоны сжимавших долину гор были покрыты вечными снегами, только кое-где чернели отвесные скалы. Около перевала ледник резко поворачивал на северо-запад... На общем белом фоне резко выделялись черные ленты срединных морен», – отметил он характерную особенность срединной части ледника Федченко (1952, с. 406). Его дальнейшее описание было посвящено хребту Академии наук, впервые открывшемуся с этого направления: «Глядя вниз по леднику, мы увидели высокий скалистый хребет, на котором особенно выделялась раздвоенная вершина (Комакадемии. – В.К.) одного пика. Она была выше остальных, но еще выше нее поднималась неправильная усеченная пирамида гигантского пика, явно господствовавшего над всем хребтом» (Там же) название которого в последующее десятилетие менялось неоднократно (Гармо, Сталина, Коммунизма), пока, после распада СССР, не приобрело своего современного значения (Исмаила Самани). 5 августа Дорофеев по описанию Косиненко понял, что оказался у притока Бивачный ледника Федченко, и тогда увиденная им панорама получила привязку к известной карте: «Значение этого открытия было трудно переоценить: не только менялась предположительная схема расположения горных хребтов в районе “белого пятна”, но и ледник Федченко оказывался одним из величайших горно-долинных ледников мира, имеющим, по нашим измерениям, около 76 километров. Итак, мы оказались на леднике Федченко» (Там же). Теперь, когда первоисследователи совместными трудами сделали свое дело, можно было выпускать вперед альпинистов. Одним из них и был герой настоящей книги, глазами которого дано дальнейшее развитие событий на бывшем белом пятне.

«Итак, 15 августа русская группа прибыла в лагерь 1 на реке Танымас, где была встречена начальником немецкой части В. Рикмерсом и русским топографом И.Г. Дорофеевым.

Местоположение лагеря 1 определялось тем, что это высшее место, до которого доходят лошади, дальше преграждают путь труднопроходимые ледники. В иных отношениях лагерь мало удачен – для лошадей мало корма, вода очень мутная и не близко, а главное – пыль. Мелкая, всюду проникающая, все застилающая пыль. Прямая противоположность общему мнению о чистоте горного воздуха. Высота лагеря – 3500 метров.

В лагере 1 оставаться для нас было и бесполезно, и неприятно (из-за пыли). Уже на следующий день, 16 августа, Н.В. Крыленко и группа носильщиков с вещами русских отправилась вверх, в лагерь 2. Надлежало пересечь два ледника. Один на протяжении 0,5 километра, другой – 3 километра. Носильщики, впрочем, обходят ледники, перебираясь через реку вброд – по пояс...

17 августа вышли Е.Ф. Розмирович, Е.М. Россельс, И.Г. Дорофеев, О.Ю. Шмидт и два красноармейца – помощники И.Г. Дорофеева. Переход длился 10 часов... Тем не менее все препятствия были преодолены в самом бодром состоянии духа, а доктор Е.М. Россельс даже играл на мандолине и распевал в то же самое время, когда в сумерках пробирались между иглами второго ледника. При переходе через первый ледник надели кошки и для предосторожности взяли за веревку... по второму леднику в кошках было легче ходить. Трещин ледники в этих местах не дают, но утомляют крутизна и гладкость при пересечении первого ледника (у самого конца его) и ледниковые иглы второго, заставляющие несколько часов идти вверх и вниз, влево и вправо, без дороги. Вечером предупредительные немцы встретили нас факелами; палатки были ими же уже расставлены» (1960, с. 18–19).

Из первых впечатлений Шмидта в качестве новичка-памирца отметим следующее. Ледники на пройденном пути не представляли не только опасности, обычно связанной с трещинами, замаскированными снегом и фирном, но даже трудностей, – не считая временами крутизны. Альпинистский опыт Шмидта пока невелик – в противном случае он отметил бы местную экзотику, названную им «ледниковые иглы». В современной литературе это так называемые «снега кающихся грешников», особая форма ледниковой поверхности, возникающая при таянии ледниковой поверхности в условиях резкоконтинентального климата на больших высотах. Скопления таких форм вытаивания льда напоминают коленопреклоненную толпу замаливающих грехи в треугольных клубках – это название пришло в нашу литературу от альпинистов и гляциологов Южной Америки, обладающих повышенной религиозностью и такой же образностью. Еще одна удивительная деталь, видимо, – в описанном переходе люди шли налегке, иначе трудно представить, чтобы участник маршрута на такой высоте бы пел, сопровождая упражнения в вокале игрой на струнном инструменте. Видимо, весь груз несли специальные носильщики, что трудно представить для позднейших экспедиций.

Для читателя, однако, важнее первый контакт спортсмена альпиниста Шмидта с профессионалом – экспедиционником топографом Дорофеевым: «После доклада ко мне подошел Отто Юльевич и, пожимая мне руку, сказал: “Разрешите мне, Иван Георгиевич, быть вашим учеником. Научите меня проводить глазомерную съемку. Мне хочется, чтобы мое пребывание в экспедиции принесло возможно больше пользы для общего дела, чтобы мои походы по необследованной области в качестве альпиниста имели бы и более существенный след. Обидно ходить по местам, где до тебя не ступала нога человека, и не уметь изобразить на бумаге пройденного”. Подумав немного, он добавил: “Жаль, что программы наших средних школ до сих пор не уделяют должного внимания преподаванию топографии в том объеме, какой заслуживает этот важный предмет. Вот в Германии, например, каждый окончивший среднюю школу умеет производить глазомерную съемку”».

Я знал, что Отто Юльевич ведет работу большого масштаба, и поэтому его просьба меня смутила. В замешательстве я ответил, что мне неудобно быть учителем такого большого человека. Он, однако, еще раз повторил свою просьбу, и я согласился» (Дорофеев, 1959, с. 390–391). Понять начинающего скромного военного топографа, занятого своими проблемами, несложно, тем более что на описываемом уровне этот бородатый новичок, свалившийся на его голову, был для Дорофеева в полном смысле «котом в мешке» – ситуация, которую не любят в экстремальных условиях. А с учетом будущей стремительной карьеры Шмидта именно на исследовательском поприще интересно понять, когда же в его собственном сознании спортивные интересы были вытеснены исследовательскими.

С достижением лагеря 2 на высоте 4385 метров предстояло перераспределение имеющихся наличных сил для предстоящих исследований. По мнению самого Шмидта, как пишет Дорофеев, «вся неисследованная область была им исчерпывающе раскрыта (остались нераскрытыми лишь переходы на запад и юг)» (1960, с. 20).

Загадка морфологии ледника Федченко заключалась в том, что в нижнем течении, по наблюдениям Косиненко и Корженевского, он выглядел как обычный сложный, но все-таки горный ледник, принимавший с обоих бортов многочисленные притоки. Зато в верховьях, по Дорофееву, намечалась необычная картина, когда из обширных верховий, переполненных фирном, через понижения хребта Академии Наук к истокам рек, стекавших преимущественно на запад в бассейн Пянджа, вываливались ледниковые языки, снизу из речных долин выглядевшие самостоятельными, как это наблюдали еще Беседин и Беляев в 1916 году. На современных картах они показаны в качестве самостоятельных ледников Язгулем, Абдукагор, Медвежий и Географического Общества.

Естественно, Дорофеев ожидал, что они связаны с верховьями ледника Федченко, заранее готовясь к самому сложному варианту – с точки зрения проходимости. При прорыве этих ледников через хребет Академии Наук следовало ожидать крутых ледопадов с массой трещин и других препятствий, которые предстояло изучить, причем с помощью альпинистов. Этой проблемой и предстояло заниматься Шмидту в качестве разведчика на местности во всеоружии приемов альпинизма, причем по согласованию с остальными участниками экспедиции.

Уже 17 августа вниз по реке Танымас ушла группа Горбунова, включавшая геологов Щербакова и Юдина, а также зоолога Соколова. Этой группе предстояло, обойдя неисследованную область с юга, затем подняться от Пянджа к леднику Язгулем, обследовать его и по возможности подняться по нему в верховья Федченко – навстречу Дорофееву и его помощниками примерно через две недели.

Обсуждение планов второй группы, с которой предстояло работать Шмидту, произошло 18 августа одновременно со сборами и описано в дневнике Отто Юльевича следующим образом:

«И.Г. Дорофеев убежден, что за известным ему боковым ледником должен быть перевал в долину Язгулема, и собирался с желающими альпинистами сразу туда спуститься. Мне и Н.В. Крыленко этот план казался необоснованным: во-первых, наличие перевала (спуска) было сомнительно – Дорофеев там еще не был; во-вторых, Р. Финстервальдер считал, что в этом направлении долина не Язгулема, а Ванча.

После долгих споров было принято мое предложение – сначала отправиться на разведку для установления перевала (или перевалов), а затем уже, сверив результаты разведки, пойти всей группой вниз по лучшему пути. Должны были отправиться три группы разведчиков: Е. Альвейн и Е. Шнайдер – на южную часть ледника, Н.В. Крыленко, И.Г. Дорофеев и я на север – к боковому леднику, намеченному И.Г. Дорофеевым, и П. Борхерс и К. Вин – также на север, еще дальше, к другому леднику, также указанному И.Г. Дорофеевым. Выступление было назначено на следующий день, 19 августа, срок разведки – три дня, с четвертым (но не более) про запас на непредвиденный случай.

Спор с И.Г. Дорофеевым умолк сам собой, когда выяснилось, что наличного продовольствия не хватит на снаряжение длительной экспедиции» (1960, с. 21).

По мнению Отто Юльевича роль Дорофеева на этом этапе была определяющей, поскольку именно он намечал наиболее перспективные направления поиска на местности. Для самого Шмидта это был поучительный опыт, не менее поучительный, чем овладение искусством глазомерной съемки.

В маршруте 19 августа произошло непосредственное знакомство Шмидта с ледником Федченко, описанное им в дневнике. Отрывок из него приводится ниже: «...Около 8 утра выступили из лагеря. Сначала вверх по Танымасу, около 5 километров, до его истоков – ледникового озера, все время под стеной Танымасского ледника, идя по осыпи из крупных камней... Красота этого озера (длиной около 1,5 километра, шириной – 300 метров), окруженного снежными горами до 5500 метров высоты, совершенно исключительна. Уровень его – около 4500 метров. Сейчас же за озером Танымасский ледник переходит в большой ледник, являясь одним из переметных стоков последнего. Этот большой ледник подымается влево к югу на протяжении 15–20 километров и спускается далеко на север. Уже тогда было ясно, что это верхняя часть ледника Федченко, ранее известного только в нижней части (10–15 км), причем никто не предполагал такой длины. Ширина его в этом месте 8 километров.

Прямо против Танымаса спускается широкий боковой ледник – ледник Академии. За ним – кажущийся перевал, по которому шла первая разведка немцев. С нашей стороны подъем был пологий, но с другой – крутой обрыв, так что перевалом этот путь было нельзя назвать никак. Близлежащие горы с той и другой стороны были уже известны немцам, произ-

водившим съемку (фототеодолитом. – *В.К.*). Высота их около 5500 метров. Дальше на север и особенно на юг горы подымались еще выше. За озером первая немецкая группа отделилась от нас, идя на юг. Через 3 часа отделился Финстервальдер со спутниками, шедший сначала с нами, – он собирался на одну из гор продолжить работу.

Ледник Федченко – ровный, огромный, в этой части с редкими трещинами, но тем не менее довольно неудобный для ходьбы. Ледниковые иглы бьют колени, не дают прямо поставить ногу. Под тонким покровом из снега и льда бурлит вода над ледником. То и дело проваливаешься по колени – болото! Иногда дорогу пересекает настоящая глубокая и большая река. Река на леднике!

Пересекая ледник наискось вниз, достигли вечером скрещения с боковым ледником, который наметил И.Г. Дорофеев. Здесь расстались с остальными немцами, условившись на морене у маленького озера поставить пирамидку и оставить письма. Здесь впоследствии был наш лагерь 3. Расстояние от лагеря 2 – около 20 километров (около 10 часов хода), высота – 4050 метров. В тот же вечер поднялись еще на 5 километров по боковому леднику, совершенно ровному внизу, до начала крутого подъема. Здесь на высоте 4300 метров расположили горные палатки прямо на льду, покрытом снегом, прямо в яме, более или менее защищенной от ветра. Нас было 3 альпиниста, 2 красноармейца – помощники Дорофеева – и один таджик-носильщик. Устроились в двух горных легких палатках, по 3 человека, варили чай на примусе (внутри палатки из-за ветра).

20 августа пересекли главный ледник по направлению к одному из западных боковых ледников. На высоте 4800 метров нам удалось найти перевал (Кашал-Аяк), по которому спустились на другую сторону настолько, чтобы ориентироваться при дальнейшем пути по леднику всей группой. Отсюда увидели реку, оказавшуюся р. Ванч.

21 августа наша разведочная группа вернулась в лагерь, а 23-го по этому разведанному пути ушла вторая советская группа Н.В. Крыленко (на Ванч). Мне, как замещавшему начальника экспедиции Н.П. Горбунова, пришлось остаться для подготовки и организации лагеря 3, для встречи с ушедшими группами и для подготовки дальнейшего продвижения по леднику Федченко вниз» (1960, с. 21–23).

Описанное нуждается в комментарии – с тем, чтобы читатель мог оценить достижения Шмидта в изучении ледника Федченко, а также его роль в экспедиции 1928 года.

Самое главное – он оказался на только что открытом для науки участке ранее неизвестной горной территории, важной, прежде всего, по своему водораздельному положению. Сам Отто Юльевич неоднократно подчеркивает роль в этом открытии других: немцев и в первую очередь Дорофеева с помощниками. На его собственную долю альпиниста выпала роль своеобразной «зачистки» по следам первооткрывателей в виде поисков перевалов. Здесь он мог использовать свои навыки альпиниста.

Какой же альпинист избежит описаний красот природы и сопутствующих восторгов! Шмидт оставил восторженное описание озера при подъеме по Танымасскому лоскуту. Важнее, однако, его дальнейшие описания поверхности ледника Федченко с замечанием по поводу ледника Академии и указанием на обрывистый участок за ним – вероятно, это относится к истокам современного ледника Медвежий. Очевидно, повествование составлено со слов немцев, альпинистов или тех, кто занимался фототеодолитной съемкой. Из всего описания также следует, что его предшествующий опыт на ледниках был минимальным. Неудивительно, что сам масштаб горной системы Памира поражает его, как и специфика оледенения: не только «снега кающихся грешников», но, например, и река на леднике – явление в общем-то нередкое. Все окружающее настолько занимает и восхищает его, вытесняя (судя по отсутствию жалоб) бытовые неудобства и даже мысли о состоянии людей, у которых – несомненная усталость, хотя и не приводящая к горной болезни.

Характерна общая устремленность на решение конкретной поставленной задачи – поиску таинственного перевала Кашал-Аяк, известного прежде только по слухам. Но ведь нашли! И не просто нашли, а тут же использовали для спуска маршрутного отряда Крыленко в долину Ванча, чтобы увязать собственные съемки с наблюдениями Беседина в 1916 году на леднике Русского географического общества. Шмидт ничего не пишет о тех моментах, когда он, занимаясь организационной и другой технической работой, бывал вынужден уступать право первопроходца (гордость спортсмена-альпиниста) другим. Но отсутствие жалоб подобного рода свидетельствует об умении оставаться на уровне в сложной психологической ситуации. В истории альпинизма немало примеров противоположного рода! Разумеется, в душе Отто Юльевич завидовал тем, кто первым прошел открытые при его участии ледниковые перевалы. Но на страницах опубликованного дневника нет ни сомнений, ни сожалений, что демонстрирует его способность держать удары, которые преподносит жизнь. И еще – не спешить с признанием собственных неудач! Тем более что очень скоро памирский опыт пригодился для выбора, определившего жизнь Шмидта на будущее славное десятилетие в иной роли, чем покоритель заоблачных высот. Однако не будем опережать события...

Работа экспедиции на леднике Федченко разворачивалась вокруг нескольких палаток, установленных среди каменных глыб на срединной морене близ обсерватории, которую построят несколько лет спустя. Значение этого места Шмидт оценил следующим образом: «Лагерь 3 был первоначально задуман как база для ушедших на запад, на Ванч, и как место встречи с Н.П. Горбуновым. По мере исчерпания задач на юге ледника Федченко и приближения ледяного похода на Алтын-Мазар (кишлак в 10 километрах от конца ледника Федченко на правом берегу Мук-су. – В.К.), значение лагеря возросло, он стал базой восхождений в северной части ледника Федченко и перехода на Алтын-Мазар.

Место лагеря 3 оказалось чрезвычайно удачным. Несмотря на скрещение двух ледников (Федченко и того, за которым “наш” с Н.В. Крыленко перевал) – полное отсутствие ветра и потому теплее, чем в лагере 2. Высота – около 4150 или 4200 метров. Палатки расставлены на морене, самой левой из срединных морен ледника Федченко, у южного угла ледников... Ночью под тонким слоем камней трещит лед, но к этому уже все привыкли. Поразительно ощущение тишины в звездную ночь, здесь, среди снега и гор, где уже нет ничего живого. Благодаря стараниям наших комендантов... наш лагерь 3 оказался вполне обеспеченным провиантом на все время его предполагаемой работы (около недели). При постоянном недостатке носильщиков снабжение стоило колоссального труда» (1960, с. 23).

Вкратце остановимся на событиях в этом лагере после того, как его покинул отряд Крыленко. На следующий день, 24 августа, пришлось искать немецких альпинистов Борхерса и Вина. «Голодных и израненных при переходе через реку... доставили их в лагерь». В результате только 26 августа большая группа альпинистов и ученых, до предела нагруженных всем необходимым, начала маршрут к верховьям ледника, располагавшимся южнее. «Место оказалось очень удаленным, – пишет Шмидт в дневнике. – Хотя ледник Федченко в верхней части не представляет опасностей: трещин мало, они большей частью видны, игл нет, подъем очень постепенный, тем не менее все, особенно носильщики, сильно утомились... Переход по снегу всегда утомляет, даже если нога погружается только по щиколотку. Высота лагеря (у восточного края ледника) – 4790 метров. Место ночлега у подножия скалы под ледником – очень поэтично. Любопытно, что некоторые из нас – Е. Шнейдер, К. Вин, я и И.М. Толчин, несмотря на высоту и долгий путь, ворочали большие камни и таскали землю, устраивая лагерь. Конечно, это было не совсем легко» (1960, с. 24). Каждая строка памирского дневника Шмидта содержит важную информацию – смысл последней: за неделю пребывания на Федченко люди настолько акклиматизировались и вошли в ритм экспедиционной жизни, что их хватает, несмотря на усталость, и камни поворачивать, и любоваться изысканными пейзажами...

Два последующих дня были посвящены чисто альпинистским занятиям – штурму ближайшего безымянного шеститысячника, результат которого зафиксирован в дневнике за 28 августа: «Дошли! Из лагеря К. Вин, Е. Шнейдер, я и Л.А. Перлин совершили восхождение на высоту около 6000 метров. Этот наш подъем наши киноработники засняли» (Там же, с. 25). Теперь можно было приступить к самому главному – поиску очередного перевала, также описанному в дневнике:

«Я с Л.А. Перлиным и одним носильщиком отправились на поиски перевала Танымас – к реке Язгулем. Мы прошли до начала главного ледника, пересекли его и на высоте 5200 метров нашли перевал, по которому спускался переметный (то есть из области питания ледника Федченко. – *В.К.*) на запад. В течение двух дней, преодолевая трещины и ледяные обвалы, мы опустились до высоты 4000 метров. Этот перевал был заснят мной глазмерной съемкой. Дальнейший путь был тяжелым, кончалось продовольствие, и мы вынуждены были вернуться в лагерь 2, куда прибыли к 1 сентября, а уже 5 сентября окончательно переместились в лагерь 3» (Там же, с. 25).

Возвращение в знакомый лагерь 2 по более короткому пути, чем в лагерь 3, проще всего объяснить недостатком продовольствия, но, видимо, не только. Судя по задержке в этом лагере (ведь в лагере 3 они появились только 5 сентября), Шмидт и его спутники просто восстанавливали силы после испытаний на Язгулемском леднике.

Очевидно, это восстановление прошло успешно, потому что в лагерь 3 небольшой отряд Шмидта добрался почти одновременно с группой немецких альпинистов, одержимых идеей первовосхождения на неизвестную вершину где-то в истоках притока Бивачный ледника Федченко – будущий пик Сталина, Коммунизма, Гармо и т. д.

«Эта гора все время была в центре нашего внимания, – отмечено Шмидтом. – Видна от нас, с ледника Федченко и с Танымасских вершин, только верхушка – очень трудная, крутая, снежная трапеция.

Однако приходилось опасаться не столько верхушки, сколько подходов: было совершенно неясно, где, по какой долине к Гармо приблизиться, так как Гармо находится не в хребте, ограничивающем ледник Федченко, а километрах в пяти поодаль (в действительности – не менее двадцати. – *В.К.*). Вся группа гор, к которым относится Гармо, по характеру принадлежит скорее к Дарвазским, чем к Памирским, – остроконечные, обрывистые, с висячими ледниками, густо сгруппированные, без широких долин. Осторожные люди, как, например, Р. Финстервальдер, считали восхождение вообще очень маловероятным» (с. 25–26), в чем оказались совершенно правы...

Понятно, что немцы рвались за рекордом и за первенством, видимо, исходя из того, что второй подобной ситуации у них может не быть. Без предварительной разведки подходов (не случайно у Шмидта особо отмечено «неясно, где, по какой долине к Гармо приблизиться») такую попытку трудно воспринять иначе как авантюру, и не случайно в дневнике Шмидта при издании появилась фраза «решили отправиться на разведку», – явно оправдательного характера. Поскольку приказом Рикмерса немецкие альпинисты находились в его подчинении, Шмидт поступил весьма дипломатично, возглавив предприятие, обреченное на провал, да и отчитался за него не менее дипломатично.

События неудачного штурма 6 сентября описаны им следующим образом:

«К двум часам дня достигли того бокового ледника (третьего после Кашал-Аяка), по которому предполагалось подняться (видимо, ледник Бивачный. – *В.К.*). Открывшийся вид обещал мало хорошего. Все же поднялись от устья ледника (3800 м) на 300 метров, через пологую часть ледника. Оказались перед стеной высотой в 400–500 метров, над которой грозно нависали серраки. Внизу же, рядом с нами, ледник весь был усеян свежими обломками. Вверх подняться можно было надеяться по узкой щели между выступами горы и обрывами ледника. Подъем, хотя и трудный, представлялся вполне возможным. Но... как раз по

этой щели, судя по конусу снега внизу, спускались лавины и обвалы льда. Свежесть следов заставляла думать, что обвалы часты, вероятно, ежедневны. А нам предстояло в течение трех часов подниматься по щели (и потом спускаться столько же. – В.К.). Глыбы в один кубометр было бы достаточно для гибели всех нас...

Произошло длительное и горячее совещание. Я лично стоял за подъем, считая вероятность гибели весьма небольшой. Немцы же указывали на большую опасность и малую целесообразность подъема. Если бы была уверенность, что за серраками нас ждет Гармо, все бы полезли; но подвергаться столь несомненной опасности неизвестно ради чего, чтобы подняться только до 4800 метров, за которыми неизвестность и еще очень далеко до 7000 метров, попасть, быть может, совсем не к Гармо, а на несколько долин в сторону не стоит.

Я много раз видел немецких альпинистов в серьезной обстановке и не имел оснований упрекать их в отсутствии мужества. Мне оставалось только признать, что их большой опыт заставляет их быть осторожными и подчиниться большинству. Когда решение было вынесено и двинулись вниз, у одного из носильщиков, сопровождавших нас, вырвался возглас: «Спасибо!»

Ночевали под этим же ледником на морене ледника Федченко в довольно унылом настроении. Других подходов к Гармо не предвиделось. Гора в 7000 метров, а мы отбиты уже у порога 4300 метров. Вечером и ночью грохотали серраки, хотя и не совсем в месте нашего подъема» (1960, с. 25–27).

Для понимания значимости событий, описанных в его дневнике, стоит обратить внимание на три момента. Первый – вершина была взята только в сентябре 1933 года (причем в одиночку) известным альпинистом Евгением Абалаковым после поисков ряда лет. Второй – сам маршрут восхождения проходил совсем в ином месте, чем у Шмидта с немцами в 1928 году. Третий – для ученого отрицательный результат остается результатом, тогда как для спортсмена – это поражение. Являясь в качестве участника событий и тем и другим, Шмидт эту непростую диалектику испытал на себе, вместе с тем получив солидный опыт дипломатического общения, который также пригодился ему в ближайшем будущем. В этом плане весьма показательно его замечание об опыте своих немецких коллег и необходимости его учета при принятии окончательного решения, которое он, как руководитель, оставлял за собой, – эта принципиальная схема также пригодилась ему спустя год.

После неудачи с Гармо было решено использовать оставшееся время для покорения ближайших вершин по восточному борту, пусть даже значительно более низких – всего в пределах 5600 метров. Это утешительное мероприятие тем не менее нашло свое отражение на страницах дневника, причем в контексте деталей, требующих комментария. В душе Шмидта продолжают бороться спортсмен и исследователь, что отчетливо прослеживается в приведенном ниже отрывке из дневника:

«Игра тумана только усиливала красоту, но для фотограмметрических работ Р. Финстервальдера оставалось мало возможностей, в частности, желанный Гармо редко выходил из туч.

Особенно были красивы Дарвазские горы за нашим хребтом. Ледник Федченко являл поразительную картину: 5–6 отдельно, но рядом текущих ледников, разделенных узкими моренами и имеющих совершенно различный характер: один в глубоких поперечных трещинах, другой – в ледяных иглах, третий – совершенно гладкий и т. д.

В 10 часов утра мы решили идти в сторону северной (главной) вершины (на северо-восток). К сожалению, вопреки предположениям, соединительное ребро оказалось совершенно непроходимым, и нам пришлось метров на 400 спуститься в снежную котловину, к подножию вершины. Этот спуск происходил по фирну, очень крутому, местами покрытому порошкообразным снегом, местами обледенелому. Представляя значительную трудность, спуск был и несколько опасен из-за возможности лавины. Но зато он был исключительно

интересен технически и исключительно живописен» (1960, с. 28). Отмеченное «единство и борьба противоположностей» сохранялась у Отто Юльевича и на будущее, пока, наконец, исследователь в нем не возобладали над спортсменом, искателем приключений, что произошло уже совсем в иных условиях.

При возвращении в лагерь 3 Шмидт и его люди были удивлены количеством встречающих. Выполнив свою задачу, подошли (хотя и с запозданием) отряды Горбунова и Крыленко, чтобы общим караваном идти далее в Алтын-Мазар по завершении экспедиционных исследований. Их достижения Шмидт описал в следующих выражениях:

«Товарищи совершили трудный подъем по Язгулемскому леднику и затем спустились по леднику Федченко. История их путешествия – перевал Кашал-Аяк – Ванч – перевал Абдукагор – Язгулем – перевал Танымас – лагерь 3 на леднике Федченко, полная героизма и давшая прекрасные географические результаты, должна быть рассказана самими участниками, а не мной.

Кроме географического значения, этот переход заключал в себе и прекрасные альпинистские эпизоды – переходы через несколько перевалов, переправы через горные реки. Особенно крупным альпинистским результатом является подъем по всему Язгулемскому леднику от верховьев Язгулема до перевала, где объединяются ледники Язгулем и Федченко в один переметный ледник (5200 м).

Этот переход удалось осуществить благодаря тому, что Н.В. Крыленко после двухдневных поисков нашел удобный путь вверх. Любопытно, что путь вел как раз по правой (орographically) стороне ледника, частью над ледником. Именно там, где я его и подозревал после нашего с Л.А. Перлиным возвращения из разведки, показавшей, что ледник ни слева, ни посередине не проходим. Приход Н.П. Горбунова, Н.В. Крыленко и их групп с носильщиками более чем удвоил население нашего лагеря 3. Продовольствие было припасено на всякий случай и на них, но в обреш» (1960, с. 28–29).

С выполнением намеченной программы настало время сворачивать работу экспедиции и возвращаться по языку ледника Федченко в кишлак Алтын-Мазар. 11 сентября Шмидт вышел вниз по леднику в сопровождении трех немецких альпинистов и трех местных носильщиков, с тем чтобы выслать к остающимся на леднике караван лошадей для эвакуации людей и имущества. На этот раз наибольшие трудности ожидали разведчиков при форсировании Мук-су. «Попытки переправиться одна за другой кончались неудачей: передового сбрасывало силой течения, покрывало водой, било о камни, пока остальным удавалось его вытащить. Так каждого из нас топило по несколько раз, и мы провели в общей сложности по 4 часа (каждый) в ледяной воде, пока, наконец, удалось переправиться через Мук-су.

Достигнув 14 сентября Алтын-Мазара, наш авангард немедленно снарядил лошадей и продовольствие для основного отряда, который прибыл сюда 16 сентября» (1960, с. 30).

Хотя пребывание Шмидта на леднике Федченко заняло немного более месяца, это обстоятельство во многом определило его судьбу на будущее. Памир, несомненно, разбудил в душе советского чиновника качества и стремления исследователя-первопроходца, до поры до времени дремавшие под гнетом обстоятельств. Чтобы они вырвались на простор, нужен был только повод. Тем не менее в строгом соответствии с шекспировскими строчками:

Мы видим жизни постепенный ход
И это сходство будущего с прошлым
С успехом позволяет говорить
О вероятье будущих событий.
Их и в помине нет еще пока,
Но семена и корни их в наличье.

Подобное предупреждение необходимо для самого вдумчивого читателя, ибо последующий жизненный кульбит в судьбе героя книги оказался, несомненно, весьма неожиданным, но очень показательным для его биографии, заставив Шмидта навсегда расстаться с альпинизмом.

Глава 4

1929–1930 годы. Приобщение к Арктике

*...С южных гор до северных морей...
Из советской песни*

*Здесь! – сказал один и третий: – Здесь!
Здесь! Каких еще искать нам мест?
Н. Тихонов*

Свои ближайшие намерения на лето 1929 года позднее сам Отто Юльевич описал так: «Собирался в этом году с Н.В. Крыленко и Б.Н. Делоне опять на Памир – брать пик Ленина». Такое намерение было вполне в русле событий предшествующего года. Но судьба-злодейка в лице другого крупного советского чиновника, смешав все карты, круто изменив жизнь героя книги на ближайшее десятилетие, направила всю его жизнь на совсем иное поле деятельности.

Шмидт так продолжает свои воспоминания: «На просмотре кинофильма о прошлогодней Памирской экспедиции (в марте 1929 года) Н.П. Горбунов (управделами СНК СССР, участник Памирской экспедиции. – В.К.) рассказал мне об экспедиции на Землю Франца-Иосифа и предложил ехать ее начальником... В мае я согласился, получил назначение Совнаркома и в июне был в Ленинграде, в Институте по изучению Севера, где с Р.Л. Самойловичем и В.Ю. Визе договорился об основном» (1960, с. 44). Из перечисленных персон на ближайшее десятилетие его сотрудниками стали – первый в качестве директора Института по изучению Севера (впоследствии Арктического института), а второй – в роли участника мозгового центра, определявшего события во льдах Советской Арктики.

Этот жизненный кульбит связан с возвращением в советских верхах к идее научно-практического освоения Земли Франца-Иосифа и ее включения в наши полярные владения, как это декларировалось еще нотой царского правительства 1916 года и подтверждалось советской нотой 1926 года. Пора было переходить от слов к делу, тем более что Норвегия, ободренная уступчивостью великого соседа в отношении Шпицбергена, надеялась повторить аналогичный вариант и на соседнем архипелаге. Чтобы подобного не произошло, было решено построить на Земле Франца-Иосифа научную станцию. В воспоминаниях рядовых полярников эти события государственного уровня получили свою оценку.

«Из газетных сообщений я узнал, – писал позднее один из первых советских зимовщиков архипелага М.С. Муров, – что 5 марта 1929 года Совет Народных Комиссаров утвердил проект организации экспедиции на Землю Франца-Иосифа, где предполагалось строительство радиостанции, и что выполнение этой задачи возложено на Институт по изучению Севера, находящийся в Ленинграде» (1971, с. 16). Начался набор добровольцев, который проходил непросто. Одним из первых явился Эрнст Теодорович Кренкель, имевший к тому времени опыт двух зимовок на Новой Земле. Свое приобщение к новому архипелагу он дополнил такими деталями: «Экспедиция обещала быть очень интересной... Я немедленно написал письмо в Ленинград директору Института по изучению Севера Рудольфу Лазаревичу Самойловичу. Письмо Самойловичу не осталось без ответа. Я выехал в Ленинград и вместе с будущими товарищами по зимовке оказался на Съездовской линии Васильевского острова, где находился Институт по изучению Севера. К тому времени, когда нас пригласили в институт, туда прибыл и Отто Юльевич Шмидт. Первая встреча со Шмидтом произвела большое впечатление. В комнату вошел человек, облик которого был совершенно необычен. Огромная окладистая борода, волосы пышные, зачесанные назад. Прекрасная шевелюра.

Запоминающиеся черты лица, особенно глаза – умные серые глаза, способные принимать десятки разных оттенков. Стоило Шмидту войти в комнату, как тотчас же возникало ощущение, что этот человек все знает, все понимает, все умеет.

Шмидт разговаривал с нами на равных. Мы тоже держались вполне независимо, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что внутренне каждый из нас трепетал и робел. Вполне официально Шмидт сказал в этой беседе, что нам предстоит стать первой сменой самой северной в мире полярной станции, которую поставят на Земле Франца-Иосифа.

И наконец, еще одно знакомство – знакомство с человеком, завершившим этот великолепный триумvirат, которому предстояло возглавить экспедицию, – с Владимиром Юльевичем Визе. Если Рудольф Лазаревич Самойлович был практиком Арктики, то Визе был ее тонким теоретиком. Он написал много книг и статей об Арктике и поставил посередине Карского моря большой знак вопроса, отметив им место предполагаемого острова... С тех пор я считаю своими учителями весь этот великолепный триумvirат – Отто Юльевича Шмидта, Рудольфа Лазаревича Самойловича и Владимира Юльевича Визе» (1973, с. 149–151).

Самым старым полярником среди участников экспедиции на Землю Франца-Иосифа был, несомненно, Владимир Юльевич Визе, сделавший свой выбор в 1912 году, когда в качестве географа экспедиции Седова прошел с ней весь ее крестный путь, не пожалев о своем первоначальном выборе. Рудольф Лазаревич Самойлович вполне самостоятельно сделал свой арктический выбор еще в 1911 году в качестве участника неудачной экспедиции Држевецкого на Шпицберген на судне «Жак Картье». На следующий год он прошел великолепную арктическую стажировку под руководством самого В.А. Русанова на Шпицбергене, а это многого стоит.

Не случайно будущий глава советских полярников останавливается на вкладе своих предшественников: «План экспедиции был разработан Институтом по изучению Севера под руководством Р.Л. Самойловича и В.Ю. Визе и утвержден созданной при Совете Народных Комиссаров Арктической комиссией... Руководителем научных работ и помощником начальника экспедиции были назначены Р.Л. Самойлович, директор Института по изучению Севера, и В.Ю. Визе. Первый большой знаток Шпицбергена и Новой Земли, заходил ненадолго на Землю Франца-Иосифа в предыдущем году. В.Ю. Визе знал Землю Франца-Иосифа еще по экспедиции лейтенанта Г. Седова 1912–1914 гг., когда “Св. Фока” зимовал в бухте Тихой на о. Гукера. Вопросы руководства экспедицией обычно обсуждались “тройкой” (Шмидт, Самойлович, Визе), а по вопросам курса плавания – вчетвером (те же и капитан)» (Там же, с. 33–34).

Несомненно, Шмидт объективен в отношении своих предшественников на новом для него поле деятельности в высоких широтах. Определенно Самойлович и Визе в роли ближайших помощников на самом начальном и поэтому ответственном этапе не подвели Шмидта, во многом обеспечив его стремительный взлет на новом поприще уже в ближайшие годы.

«Шло время, – продолжает Муров, – и состав нашей экспедиции постепенно увеличивался. Из Архангельска приехал Петр Яковлевич Илляшевич, зимовавший до этого на Новой Земле, а сейчас назначенный начальником нашей зимовки... Плохо обстояло дело с наймом рабочих для сборки этого дома на Земле Франца-Иосифа: желающих ехать не находилось.

Наконец, появился четвертый зимовщик – Георгий Александрович Шашковский. Это был молодой геофизик, ростом не менее двух метров, с поэтической душой и скептическим складом ума. Он тоже уже зимовал в Арктике на Маточкином Шаре. На Земле Франца-Иосифа ему предстояло проводить метеорологические работы.

В течение месяца мы четверо лихорадочно готовили экспедицию... Экспедиция приняла политический характер, и Совет Народных Комиссаров назначил начальником ее Отто Юльевича Шмидта... Шмидт появился в Институте по изучению Севера в сопровождении

Визе. Шмидт был высок, несколько сутуловат, носил большую бороду. Одет в новую, явно не по росту, серую шинель. Еще запомнились кепка и ботинки с шерстяными гетрами.

В течение трех часов длилось заседание в кабинете директора. Сообщение делал Шмидт. По мнению ученых, экспедиции предстояло преодолеть полосу льда шириной не менее 250 миль. Доступ к Земле Франца-Иосифа открыт не каждый год. Но пробиться к архипелагу должны во что бы то ни стало. В крайнем случае намечалось перебросить на собаках до ближайшего острова двух человек: радиста и механика, а также продовольствие, рацию, жилье, в котором они могли бы находиться, держать связь с Большой землей.

Далее Шмидт рассказал, что для экспедиции зафрахтован ледокол (точнее, ледокольный пароход. – *В.К.*), капитаном которого назначен Владимир Иванович Воронин.

Кроме того, Отто Юльевич настоял на приглашении на зимовку врача и повара.

Во время заседания я мог ближе рассмотреть Отто Юльевича. Он произвел на меня огромное впечатление своей романтической внешностью. У него были тонкие черты лица, высокий лоб, длинные, зачесанные назад волосы и пышная черная борода» (Муров, 1971, с. 24–25). Отметим, что в воспоминаниях Мурова образ Шмидта целиком заслонил роль и участие в делах экспедиции других ее участников, что наблюдается во многих других печатных изданиях. Не случайно – в силу присущей будущему руководителю советских полярников особой харизмы.

После приезда Шмидта в Архангельск обнаружился ряд неблагоприятных моментов. С трудом накануне отъезда из Ленинграда удалось найти на зимовку врача: им стал доктор Георгиевский. И очень кстати! В Архангельске Кренкель угодил в больницу с подозрением на аппендицит, но вскоре сбежал оттуда – к счастью, без последствий на будущее. По многочисленным сообщениям с моря, ледовая обстановка складывалась самая неблагоприятная. Льды буквально подпирали Кольское побережье, стало известно об айсбергах в Горле Белого моря, резко упала температура воды (этому Визе при прогнозировании придавал большое значение), пароход из Архангельска на Печору вместо обычных четырех суток из-за льда добирался почти две недели и т. д.

Для Визе и Самойловича Архангельск был давно знакомым городом, мало изменившимся за советское время – не считая переименования улиц в честь деятелей времен Гражданской войны и революции. Бросались в глаза переделки многочисленных церквей под хозяйственные нужды, включая подворье Соловецкого монастыря. А в остальном – все те же дощатые тротуары на бывшем Троицком проспекте, переименованном в честь красного героя Гражданской войны Павлина Виноградова, замысловатая резьба наличников на домах старинной постройки, певучий поморский говор на набережной Двины, стойкий запах пека и вара на Смольном Буяне вперемежку с ароматом соленой трески на городском рынке и в порту да множество пароходов и шхун на просторе раскинувшейся Двины. Среди них глаз моряка легко выделял знакомые силуэты ледокольных судов, а то и самих ледоколов. Порой помощники Шмидта превращались в его гидов, демонстрируя места, связанные с деятельностью Русанова или Седова, сами припоминая, где и когда на Двине стояло то или иное экспедиционное судно. Эта информация усваивалась Шмидтом буквально с лету, помогая принимать удачные решения в новой для него обстановке.

На протяжении столетий Архангельск был не просто колыбелью русского полярного мореплавания, но и неофициальной столицей Поморья, где каждый житель изначально был связан повседневной жизнью с морем. Архангелогородцы продолжали пополнять экипажи судов Карской экспедиции, каждым летом уходивших на Обь и Енисей, а также кадры зимовщиков полярных станций, находившихся в ту пору в ведении УБЕКО-Север, бывшей Гидрографической службы. Даже названия судов у причалов или на Двинском плесе утверждали арктические устремления первого российского порта: «Малыгин», «Сибиряков», «Русанов»

и другие, с которыми Шмидту предстояло в ближайшие годы иметь самое непосредственное дело.

По условиям того сурового времени (начало коллективизации!) «заготовка продовольствия и снаряжения велась, главным образом, в Ленинграде, отчасти – в Москве... Необходимо отметить, что все руководители местных органов, в особенности секретарь Краевого комитета партии С.А. Бергвинов (запомним это имя на будущее, поскольку спустя пять лет этому человеку предстояло стать ближайшим помощником Шмидта в качестве представителя партии. – *В.К.*), отнеслись к экспедиции с исключительным вниманием и заботой» (1960, с. 34).

Для экспедиции был выделен ледокольный пароход «Седов», с капитаном Владимиром Ивановичем Ворониным (1890–1952), родившимся в Сумском Посаде на Поморском берегу Белого моря. Коренной помор, пять его братьев также стали капитанами. Морскую службу начал зуйком (юнгой на рыболовецких промыслах на Мурмане) с восьми лет, а с 10 лет – продолжил юнгой на паруснике. К 1916 году с дипломом штурмана дальнего плавания служил на пароходе «Федор Чижов», вплоть до гибели судна при нападении немецкой подводной лодки. Воронин сумел спасти всех пассажиров, сам, однако, получив тяжелое ранение. С установлением советской власти участвовал в Карских экспедициях и зверобойном промысле на Белом море, где познакомился с авиаторами и, в частности, с летчиком Бабушкиным, совершавшим с 1926 году. первые посадки на лед. В том же году стал капитаном «Седова», на котором получил большой опыт ледового плавания, включая поход на Землю Франца-Иосифа летом 1928 года в поисках пропавших без вести членов экипажа «Италии». Сам Шмидт вскоре пришел к выводу: «Воронин – лучший ледовый капитан. Он обладает исключительным самообладанием, не только великолепно ведет судно, но интуитивно чувствует как его надо вести (может быть, это чутье выработано целыми поколениями его предков-поморов). И что очень важно, В.И. Воронин отличается редким для капитана пониманием целей и значения наших научных исследований. Он сам помогал нам в научной работе, своей рукой вычертил карту с указанием ледовых условий района, в котором мы находились. Он готов идти на многое, даже на риск, ради успеха научных исследований. В этом смысле это исключительный капитан исследовательского судна» (1960, с. 83).

«Седов» имел водоизмещение около 3000 тонн, мощность машин 2300 л. с., экипаж 35 человек. Численность персонала будущей полярной станции – 7 человек, экспедиционный состав (включая руководство) – еще 6 человек и несколько представителей прессы (включая кинооператора). 11 июля, закончив ремонт, на «Седове» приступили к погрузке угля, экспедиционного снаряжения и стройматериалов для будущей станции. В ночь на 21 июня судно покинуло Архангельск.

Оценивая перспективы предстоящего похода, Шмидт, разумеется, должен был целиком полагаться на своих более опытных помощников, не имея пока собственного ледового опыта.

22-го «Седов» был уже в Горле Белого моря, а посреди Баренцева моря на $75^{\circ}40'$ с. ш. были встречены первые айсберги и к вечеру того же дня на $77^{\circ}30'$. достигли кромки льда – для Шмидта начиналась настоящая Арктика.

28 июля ледовый пояс был преодолен, «Седов» вышел на участок чистой воды и вскоре после 18 часов открылся берег. В своем дневнике Шмидт отметил: «Сквозь снег выступает что-то черное, гористое. Дали сразу задний ход, остановились. Встреча с землей произошла неожиданно и раньше, чем мы предполагали. Должно быть, при счислении ошиблись, не учли дрейфа. А солнце за туманом и снегом давно не было видно. Мы ожидали землю только через 20–30 миль! Первый этап пройден» (1960, с. 50). Реакцию зимовщиков при виде открывшейся картины сурового арктического побережья наиболее полно выразил радист Кренкель: «Здесь зимовать не вредно. Черт побери, красота-то какая!»

На следующий день, 29 июля, «...спустили три шлюпки. Я пригласил на торжество водружения флага руководящую тройку, капитана, предсудкома, секретаря ячейки, прессу (всех трех), кинооператора, П.И. Иллышевича, еще нескольких человек и гребцов-матросов... Торжественная часть прошла хорошо – просто и в то же время с подъемом. Серьезно, в духе Севера. Я объявил: “В силу моих полномочий правительственного комиссара водружаю этот флаг и объявляю о вхождении Земли Франца-Иосифа в состав Союза ССР”. Боцман (он же секретарь ячейки) поднял флаг, присутствующие салютовали из винтовок и револьверов... Бухта Тихая свое название оправдывает. Описать эту очаровательную бухту я успею... Отпали другие “кандидаты” – решили строить станцию здесь. Ночью я послал П.Я. Иллышевича на землю. Он с В.Ю. Визе выбрали место для станции – под крестом, поставленным Г.Я. Седовым в качестве астрономического знака. Рано утром капитан промерил глубину, подошел к этому месту. Ему удалось стать в 30 метрах. Идеальные условия выгрузки. При хорошей погоде выгрузка займет 10–15 дней, при плохой – 20–30. Сегодня, 2 августа, выгрузка началась...» (1960, с. 51–54.).

Все шло хорошо, но 6 августа подвижкой дрейфующего льда «Седова» отжало на мель с последующим небольшим авралом при снятии. Шмидт продолжает усваивать новую для себя обстановку: «Только и слышно: “трави канат”, “вира лебедкой”. Надо выучить целый словарь: “канат” – это якорная цепь, а наш канат, если толстый, особенно металлический – “строп”, поменьше, как и веревка, – “конец”» (с. 54–55). Похоже, знание иностранных языков на этот раз не помогло очередному арктическому новобранцу, изучавшему новое для себя поле деятельности буквально с азов.

Новая природная обстановка, включая ледники, непохожие на памирские, вызывает обостренный интерес арктического новичка: «Ледник (Седова на современной карте. – В.К.) настоящий, со всамделишными трещинами, в которые дважды по пояс погружался, удерживаясь винтовкой – не взял ни веревки, ни чего-либо другого. В следующий раз пойдем во всем альпинистском вооружении... Изумительной красоты базальтовая скала (о Рубини-Рок. – В.К.) на противоположном берегу бухты. Переехали на шлюпке, поднялись по крутым осыпям, частью покрытых мхом. Круто, но не трудно, больше опасности от катящихся камней... Обратное, по выбору Самойловича и вопреки моему совету, шли по крутой расщелине – осыпи камней. Было нетрудно, но довольно эффектно... Вчера Р.Л. Самойлович, его помощники и я поехали на Рубини-Рок. Они обследовали долину за ним, нашли много интересного для геологов... Убедился на этом случае, что Р.Л. Самойлович – мужественный человек со склонностью к благородной авантюре» (Там же, с. 55).

Последняя характеристика принадлежит человеку, впервые оказавшемуся в ледовитых морях, она по-своему показательна, тем более что и сам Шмидт в целом ряде случаев при знакомстве с новыми для него природными объектами и ситуациями не соблюдает правила техники безопасности, обязательные для всех.

Вновь и вновь он обращается к особенностям арктической природы, вызвавшей его удивление: «Странные здесь ледники – новый для меня тип северного глетчера. Плоский купол с очень слабым подъемом...

...На обратном пути была вознаграждена наша спортивная жилка. Спустились с ледника прямо к мысу Седова, пройдя несколько километров по леднику. На спуске, уже менее пологом, конечно, масса трещин. На этот раз я взял веревку и ледоруб – они пригодились. Обвязав всех веревкой, я давал практические уроки перехода через трещины и вытягивания из них... Особенно я был рад восторгу спутников, ранее трещин не выдававших. И.М. Иванов насчитал, что мы перешли через 271 трещину» (с. 58). В том первом знакомстве с Арктикой Шмидт еще оставался спортсменом-альпинистом даже в роли официального представителя государства, пока еще не осознавая себя полярником.

Между тем на берегу свои трудности – темпы выгрузки слишком превосходили темпы стройки. Не случайно 12 августа в дневнике Отто Юльевича появляется следующая запись: «Выгрузка кончается... Очень мне не нравится бездеятельное сидение “Г. Седова” на якоре. Как только все выгрузят, хочу настоять на разведывательных поездках (в Британский канал и др.) на 1–2 дня, оставив рабочих и зимовщиков на берегу» (1960, с. 57).

Чтобы не напугать остающихся на берегу строителей, обеспечив их всем необходимым, решили уложиться с рекогносцировкой в сутки с вылазкой – в пролив Юнга и Британский канал – использованной для проведения гидрологических и морских биологических сборов, оставивших у Шмидта сильное впечатление: «Все наше население толпится вокруг, смотрит и помогает. Г.П. Горбунов с усмешкой говорит, что вначале все рады помочь, даже мешают, а потом – не упрямить. Лично я и раньше часами стоял с биологами над драгой, рассматривая поразительное разнообразие и красоту форм» (с. 58). Разумеется, пока это восприятие дилетанта в новом для него деле, больше Шмидт озабочен задержкой в строительстве станции.

Очередная экскурсия на «Седове», продолжавшаяся около суток в ночь с 19 на 20 августа, ознаменовалась опасным приключением Шмидта в ледяном гроте айсберга на крохотной лодочке-тузике, которое он красочно описал в своем дневнике. Мало того что будущий академик, обнаружив его, сам вдоволь насладился опасной красотой, причем без малейшей научной необходимости, он вовлек в рискованное приключение и других участников экспедиции, приводя сомнительные оправдания: «Не умею я смотреть красоту один. Выплыл ко входу и закричал на “Седов” старшему штурману: “Здесь такая красота, какой я в жизни не видел. Будите всех корреспондентов, пусть и капитан и научные, и киноработники – все придут!” Грот образовывал гигантское звуковое зеркало. Меня было хорошо слышно, через несколько секунд я услышал “Есть!”». С ледокола спустили большую шлюпку, я с нетерпением поехал навстречу, опять через льды, ставшие еще хуже... Как всегда бывает, собирались долго, наконец, тронулись. Льды стали почти непроходимыми для большой шлюпки. Капитан сразу стал нервничать, ведь и на “Седов” льды могли надавить. Но не успели еще проникнуться его красотой, как выход стало закрывать льдиной. Скорее назад! Капитан запрещает отталкиваться от стен – могут обвалиться. Нельзя громко говорить. В то же время все галдят, хоть вполголоса, некоторые высказывают на льдину, потом обратно. Я, оставшись в гроте на тузике, кричу П.К. Новицкому, чтобы он непременно снимал...

...А в это время крик с “Седова”: “Лед напирает!” Судну надо немедленно уходить, а то прибьет к айсбергу. Происшествие, которое потом весело вспоминали. Но в то время капитану было не по себе» (с. 60–61). Как говорится, по comments... Кто был прав – капитан (пошедший на поводу у начальника) или начальник экспедиции, читатель может сам составить мнение...

То, что на начальном этапе своей деятельности Шмидт принимал порой сомнительные решения, подтверждают и другие участники событий. М.С. Муров, занятый на строительстве, отмечает, что «21 августа к нам неожиданно приехал Шмидт и сообщил, что он принял решение до окончания строительных работ... предпринять исследовательский рейс на север архипелага. Рискованная затея пришлось нам не по душе, и мы ему откровенно признались в этом...

“Мне понятны ваши опасения, – ответил Отто Юльевич, – в случае, если мы застрянем, вам придется зимовать с шестнадцатью рабочими – перспектива тяжелая не только в продовольственном отношении. Но бездеятельное сидение научного состава, когда есть возможность исследовать весь архипелаг, найти могилу Седова, будет непростительно”» (1971, с. 77–78).

Обнаружив в походе на север присутствие атлантических вод, Визе понял причину отсутствия льда у северных границ архипелага, тогда как начальник экспедиции испытывал

определенный рекордсменский зуд, своеобразный пережиток недавнего спортивного прошлого, который в ближайшие годы ему предстояло преодолеть, судя по записи в дневнике: «Двинулись севернее, ломать мировой рекорд (82°04' с. ш.). Скоро льды стали тяжелее. Все же я решил идти дальше, даже когда В.Ю. Визе и Р.Л. Самойлович стали советовать повернуть назад. Это было на 82°06' с. ш. Я согласился с ними только когда достигли 82°14' с. ш., т. к. когда рекорд стал совершенно бесспорным – вне ошибок счисления. Капитан присоединился к “отступающим”» (1960, с. 63). Были и другие достижения научного характера – размеры острова Нансена на английской морской карте оказались значительно меньше, что выяснилось при посещении острова Самойловичем и Ивановым. Найти могилу Седова не удалось, зато зимовочная база американской экспедиции Фиалы в бухте Теплиц была изучена настолько основательно, что Шмидт, несмотря на солидный возраст сохранившегося провианта, смог оценить его достоинства: «Консервы хороши!» (Там же, с. 64).

Возвращение «Седова» к строящейся станции совпало с возобновлением ее блокады очередным напором льдов, которые остановили «Седова» примерно в 15 километрах от станции. 30 августа станция в бухте Тихой отправила первую радиограмму и, таким образом, вошла в строй действующих, что было отмечено салютом и поднятием флага на построенном доме, а также торжественным митингом и речами. Льды продержали «Седова» у архипелага до 1 сентября и возвращение началось в обход острова Гукера с севера. Только спустя трое суток судно оказалось на чистой воде, что вселило в ученых надежду во время плавания к востоку посетить остров Уединения и даже добраться до Северной Земли. Это устраивало гидрологическую группу – в первую очередь Визе, Лактионова и Горбунова. Особый интерес Визе к новой акватории понятен – пять лет назад он заявил о существовании там неизвестной суши, предсказанной им по результатам изучения дрейфа «Святой Анны» в 1912–1914 годах.

Финал похода также описан в дневнике Шмидта:

«6 сентября, вечер. Конец эпопеи близок. Идем на юг, назад к земле. Прodelали гидрологический разрез по 79° с. ш. до 70° в. д. за долготу мыса Желания. От плана добраться до о. Уединения и до Северной Земли приходится отказаться... Вечером 5 сентября капитан, при сочувствии Самойловича, стал убеждать меня повернуть обратно... судно в таком виде не может больше входить в лед и не перенесет серьезного шторма. Вода впереди чистая... но доводы капитана серьезны... Утром 6-го момент для решения наступил... Волнение 6 баллов, ледокол сильно дрейфует, научные работники бьются без успеха – невозможно работать. Тут уже и В.Ю. Визе вышел из себя, заявив, что, раз гидрологические исследования вести более невозможно, незачем дальше ехать... Потеряв последнего союзника, я уже не могу сопротивляться общему мнению специалистов» (1960, с. 70–71).

Общая результативность экспедиции (помимо главного – создания научного стационара) была значительной, начиная с работы геологов и топографов, кроме гидрологических наблюдений, помимо изучения обитателей моря. Это не считая топографических съемок, когда интересы различных специалистов соприкасались. «Наш топограф И.М. Иванов, – отметил Визе, – занялся съемкой ледника Юрия, спускающегося с южной стороны скалы Рубини. Съемка ледника Юрия представляла большой интерес, так как 15 лет назад этот ледник был заснят мною, а еще раньше – в 1904 году – экспедицией Фиала. Из сравнения карт, составленных в 1904 и 1914 годов, с новой картой 1929 года, можно будет вывести заключение о том, отступают или наступают ледники Земли Франца-Иосифа... Эти изменения в положении ледников, которые могут быть весьма значительными, вызываются колебаниями климата... За последние 25 лет климат Земли Франца-Иосифа, очевидно, не изменился в какую-либо сторону, так как положение края ледника Юрия оставалось за этот промежуток времени почти неизменным» (Там же, с. 86–87). Эти отрывочные, порой случайные наблюдения положили начало изучению изменений природной среды высоких широт, столь акту-

альному в настоящее время в связи с глобальным изменением климата. Понятен и интерес, проявленный учеными к геологии Земли Франца-Иосифа, поскольку они уже мысленно сопоставляли новые данные с известными условиями Новой Земли и Шпицбергена, пытаясь мысленно объединить их в единую природную систему на основе проблемы континентального шельфа, столь актуальной в наши дни в связи с потребностях в углеводородах.

Новичку Шмидту приходилось жадно усваивать новую для него информацию, отмечая совпадения и нестыковки во взглядах своих более опытных подчиненных. Неудивительно, что на будущий год Шмидт не вернулся в столь любимые им горы, изменив им ради Арктики. Определенно по великолепию пейзажей горы Средней Азии не уступали Арктике. Зато Арктика оказалась несравненно перспективней для его могучего научно-организационного таланта.

В ближайшие годы инициатива в арктических делах перешла от директора Института по изучению Севера Самойловича к Шмидту. Именно в экспедициях 1929 и 1930 годов фактически состоялась передача дел на местности (как это и должно быть в идеале), когда новый «шеф», на лету усваивая специфику предстоящих работ, с каждой новой экспедицией все глубже входит в курс дела, одновременно строя планы на будущее.

Новое поле деятельности определенно заинтриговало Шмидта, о чем он поведал позднее: «...После того, как прошлогоднее путешествие прошло удачно, и на Земле Франца-Иосифа установлен достаточно мощный опорный пункт, и наш ледокол показал себя пригодным для арктических исследований, и Арктическая комиссия в план этого года (то есть на навигацию 1930 года. – *В.К.*) включила решение в один рейс двух задач: вновь достичь Земли Франца-Иосифа, где сменить зимовщиков и достроить станцию, и в тот же рейс отправиться на Северную Землю неизведанным еще путем, также построить там станцию и оставить людей. Выполнение этих задач требовало такого расхода угля, который превосходил возможности ледокола. Поэтому нам было нужно получить уголь с другого судна где-то между Землей Франца-Иосифа и Северной Землей» (1960, с. 72).

В предстоящем походе 1930 года штат ученых был увеличен до двенадцати человек. Помимо них в экспедиции участвовали представители прессы и кино (пять человек), смена зимовщиков на Землю Франца-Иосифа (еще 9 полярников), а также зимовочная экспедиция на Северную Землю под начальством Г.А. Ушакова – для ликвидации белого пятна на этом, по сути, неизвестном архипелаге. Шмидт отчетливо понимал, что научные достижения где-то в высоких широтах должны стать известными всему советскому обществу, чем объясняется наличие группы представителей средств массовой информации. Капитаном судна, как и в прошлом году, оставался В.И. Воронин – Шмидт вполне оценил достоинства этого помора как мастера ледового плавания. Всего на борту «Седова» находилось 78 человек – мягко говоря, судно было весьма перенаселено.

Плавание «Седова» в навигацию 1930 года явилось наращиванием достигнутого в прошлом успеха, что, несомненно, является заслугой Шмидта. Он наметил новые перспективные задачи: во-первых, создание научной базы на Северной Земле для ее дальнейшего изучения, во-вторых, проверку одного из наиболее удачных прогнозов в Арктике за первую треть XX века на существование неизвестной суши в центральной части Карского моря. Добиться такого решения в «верхах» оказалось не слишком сложно, поскольку в международном сообществе активно обсуждалась проблема Земли Гарриса. В свое время американский гидрограф Гаррис на основе сведений экспедиции о приливах-отливах в районе Канадского Арктического архипелага предсказал массив неизвестной суши площадью с Гренландию. Его прогноз привлек внимание политиков, у которых возникал свой вопрос: а не является ли столь же теоретическая «Земля Визе» частью этой «Земли Гарриса», тем более, что очертание западных пределов Северной Земли оставалось неизвестным?

«Седов» вышел из Архангельска 15 июля. Проводы при скоплении большого количества народа состоялись на Красной пристани и в соответствии с новыми советскими традициями были отмечены речами. Шмидт сосредоточился в основном на политических задачах предстоящей экспедиции: «... Мы уходим в далекий путь – завоевывать Арктику и подчинить ее капризы воле могучего рабочего класса, направленного к развитию Советского Союза... Мы не будем одиноки, не будем чувствовать отчужденности от происходящей великой стройки. Нас посылает советское правительство. За работой экспедиции будет следить пролетариат всего мира... Мы едем как северный отряд великой армии труда, неся частицу энергии рабочего класса и его авангарда – коммунистической партии. Мы победим!»

Соответственно, Самойлович уделил больше внимания научным исследованиям для хозяйственных целей: «Вы – жители края, из которых устремлялись все наши научные исследования... Одна из задач нашей экспедиции – ряд научных исследований для развития Северного края и выяснения его экономических возможностей. Мы сейчас еще точно не знаем, какое значение может иметь то или иное научное открытие нашего похода. До сих пор еще в Арктике скрыто много тайн. Социалистическое строительство нашей страны требует от людей науки ответа, что представляют эти северные уголки, что может быть использовано для быстрого развития нашего хозяйства? Север все еще мало изучен, мы совершенно не знаем, что скрыто в недрах его земли. И мы идем за ответом. Правительственная арктическая экспедиция уходящая сегодня на Землю Франца-Иосифа и Северную Землю, поставила перед собой цель – взять на учет эти острова и нанести на карту тот большой, незнанный еще кусок загадочной земли, который был в 1913 году случайно открыт Вилькицким – к северу от Сибири за Таймырским полуостровом. На пути к землям Франца-Иосифа и Северной экспедиция исследует морских животных, выяснит, какая рыба водится в северных морях. Тот интерес, который проявляется в изучении Арктики, делает нашу страну руководящей в области полярных исследований. Наши молодые, готовые к любым лишениям исследователи, добьются выполнения пятилетки изучения Севера в два-три года».

В краткой речи Визе, другой заместитель Шмидта, выразил собственные надежды, не оправдавшиеся год назад: «Эта наша советская будничная работа, которую мы проводим для быстрого развития нашей страны. Советское правительство давно уже обратило внимание на вопросы освоения и нашего Севера и закрепления северных границ. В этом году на пути к Северной Земле мы предполагаем открыть новые земли, острова, о которых человечество еще не знало. Над ними водрузится советский флаг, и они будут включены в территорию Советского Союза. Правительство и коммунистическая партия, благодаря которым так успешно идут полярные исследования, дают нам, ученым, прекрасное орудие в борьбе со льдом – знаменитые на весь мир советские ледоколы» (Муханов, с. 16–17).

Реакцию архангелогородцев, провожавших своих близких в неизвестные моря, отметил корреспондент «Комсомольской правды» Л. Муханов, вскоре сам оказавшийся в рядах полярников: «Пристань загудела, замелькали платки и кепки».

В отличие от прошлого года ледовая обстановка по маршруту плавания оставалась благоприятной, и неделю спустя «Седов» вошел в бухту Тихую. «Станцию мы нашли в превосходном состоянии, – отметил Шмидт. – Все люди здоровы и в хорошем состоянии духа, полученные задания ими выполнены. Запасы оказались совершенно достаточными. Неприкосновенные запасы не тронуты. Люди доказали возможность там жить, возможность регулярно проводить работу» (1960, с. 73), что в первую очередь относилось к регулярным метеонаблюдениям. Несомненно, важным достижением первой советской зимовки на архипелаге стало установление Э.Т. Кренкелем радиосвязи с базой антарктической экспедиции Р.Э. Бэрда, что являлось мировым рекордом и, разумеется, имело огромное практическое значение. Здесь были также продолжены наблюдения прошлого года. «Во время пребывания в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа большое место занимали сбор геологических

коллекций, а также биологические и гидрологические работы. В частности, попробовали взять лед с разных глубин ледника, чтобы потом подвергнуть его анализу. В этих целях мы отправились на один из ледников, и я, как альпинист, спустился в щель на 25 метров. Висел и рубил лед, который потом был отправлен на юг. Когда мне показалось, что уже довольно, что я уже больше часа нахожусь в щели и больше не выдержу, попросил меня вытащить. Вытащили. Оказалось, что я пробыл в щели два с половиной часа. Какой результат дали пробы льда, не знаю, но если лед доехал в целости, то результаты его исследования должны быть очень интересны» (1960, с. 74–75).

На этот раз на Земле Франца-Иосифа встречи с норвежскими промысловыми судами произошли, что называется, нос к носу. Два из них «Седов» встретил у острова Альджер. Шмидт разъяснил норвежцам, что они находятся в советских территориальных водах, посещение которых требует специального разрешения советских властей.

3 августа «Седов» покинул берега Земли Франца-Иосифа для поисков неизвестной суши на белом пятне в центре Карского моря. Однако прежде, по Шмидту, полярники «... вернулись к Новой Земле, чтобы получить уголь, который должен был нам доставить ледокол “Сибиряков”... Мы приняли предложение Р.Л. Самойловича – попытаться произвести разгрузку в Русской Гавани в северной части Новой Земли... Р.Л. Самойлович увидел ее во время объезда Северного острова Новой Земли, и это оказалось ценнейшей находкой. Правда, наш капитан скептически смотрел на эту гавань, но она оказалась очень интересным местом.

Гавань достаточно обширная, чтобы вместить Карскую экспедицию. Она защищена от всех ветров, кроме западных... Хотя берега Новой Земли опасны, были проведены съемки гавани и подробные промеры. Оказалось, что Русскую Гавань можно рекомендовать и карским, и прочим экспедициям как базу... если Карская экспедиция пойдет кружным путем, то она может воспользоваться этой гаванью» (1960, с. 75).

Признание роли Самойловича в выборе места для встречи судов, как и первоначальной оценке значения Русской Гавани для стоянки судов, со стороны Шмидта очевидно и не требует комментария, хотя с его приходом первенствующее значение приобрели океанографические работы на гидрологических станциях, тогда как изучение геологии морского дна только начиналось. Разумеется, были сделаны сборы донной фауны в процессе траления. 5 августа «Седов» вошел в Русскую Гавань, опережая «Сибирякова» по крайней мере на трое суток, которые руководство экспедиции решило использовать по-своему.

При этом Шмидт описывает почти недельное пребывание в Русской Гавани достаточно скомкано. Он отметил среди событий (помимо угольного аврала и съемок) обследование побережья этого достаточно обширного залива, весьма удобного для пережидания штормовой или неблагоприятной ледовой обстановки на пути в Карское море. Пока специалисты в ожидании судна набросились на берега Новой Земли, Шмидт, по прежней альпинистской привычке, решил отправиться на ледник Шокальского, поразивший его своими размерами. «Наша цель – достигнуть водораздела вершины горного хребта и увидеть противоположный берег Новой Земли и Карское море, произвести на пути маршрутную и топографические съемки. С собою забираем походную парусиновую палатку, односпальный мешок, малицу, спиртовку, консервы, галеты. Маршрут пройдет по местности, впервые посещаемой человеком...» (Муханов, с. 107). Разумеется, из задуманного с такими средствами и в такие сроки ничего путного не вышло. В это время альпинист-рекордсмен все еще нередко побеждал в нем исследователя. В любом случае научные результаты этого марш-броска были минимальными, тогда как основной успех в Русской Гавани достался топографу и астроному экспедиции Георгию Анастасьевичу Войцеховскому, создавшему первую удовлетворительную карту окрестности за те несколько дней, пока «Седов» стоял в заливе. С тех пор на карте

Новой Земли остались полуостров Шмидта, бухта Воронина и множество других топонимов в честь участников экспедиции.

Выход к западному побережью Северной Земли с пересечением Карского моря привел к открытию неизвестного острова, существование которого было предсказано Визе еще шесть лет назад. Поскольку наш современник не представляет реакции людей в момент открытия новых островов и территорий, необходимо на этом остановиться детальнее. (Дальше по РЛС, 2007, с. 147 и далее.)

Вечером 13 августа в кают-компании «Седова» состоялся концерт певца Московской оперной студии П.И. Румянцева (исполнявшего в экспедиции обязанности завхоза), причем в качестве его аккомпаниатора выступал Визе. Дальнейшие события детально описаны Л. Мухановым: «Из открытой двери в накуренную комнату влетел холодный ветер. Наш капитан тихо, как будто боясь, что ему не поверят, обвел всех присутствующих голубыми глазами и выпалил: “Товарищи, на горизонте показалась не обозначенная ни на одной лоции мира земля. Глубина упала. Впереди земля”.

Многие из нас не верили даже капитану.

– Земля? Ну это, братцы, дудки. Пущена утка.

Подниматься наверх в разгар полярного концерта не хотелось. Многие думали, что навстречу снова жалует “плавающая земля” в виде огромной ледяной горы.

Однако Визе, прекратив аккомпанемент, легко одетый, первым бросился на капитанский мостик; долго не отрывал близоруких глаз от бинокля.

– Да, это земля, самая настоящая, – неспеша, но уверенно говорит Владимир Юльевич...

Вокруг Визе собралась толпа из матросов, кочегаров и члены экспедиции... которым ученый поведал историю своего предвидения... Штурман Альбанов, подобранный экспедицией Г.Я. Седова на Земле Франца-Иосифа, по плавающим льдам доставил вахтенный журнал [“Святой Анны”]... Сама же Св. Анна бесследно погибла. В журнале остались записи об общем движении судна, его дрейфе, о направлении и силе ветра... По теории нам известно, с какой скоростью и в каком направлении затертое во льдах судно должно передвигаться под влиянием ветров. Зная общее передвижение судна, скорость и направление ветра, можно вычислить скорость течения: это было моей целью, когда я взялся за обработку журнала “Анны”. При анализе записей я натолкнулся на интересную особенность, которую дрейф “Анны” показал между параллелями 70° и 80° с. ш. и меридианами 70° и 80° в. д. Здесь судно, двигавшееся в общем на север, отклонялось не вправо, как следовало бы ожидать по теории дрейфовых течений Экмана, а влево. Объяснить эту аномалию я мог, только допустив существование суши к востоку, недалеко от дрейфа “Анны”. Ряд других особенностей дрейфа “Анны” в этом районе подкрепил мое предположение. Более подробный анализ позволил мне приближенно определить место предполагаемой суши. Я нанес его на большую карту, приложенную к моей статье о течениях в Карском море, опубликованной в 1924 году... Теперь “Седову” выпала честь открыть предположенную мной землю и стереть знак вопроса.

Более детальное описание острова, причем с точки зрения геолога, впервые дал Самойлович по результатам высадки: “Остров Визе, расположенный на 79°27' с. ш. и 76°40' в. д. от Гринвича, тянется с северо-запада на юго-восток, имея в длину около 30 километров и в ширину около 15 километров. Он представляет собою плато, возвышающееся всего на 10–14 метров над уровнем моря... плато со слабой волнистой поверхностью изрезано небольшими речками и ручьями и имеет спокойный рельеф. Коренными породами являются палеозойские песчаники, покрытые в некоторых местах четвертичными песками... По всему протяжению берега тянется полоса древнего льда, покрытая холмистыми нагромождениями обломков коренной породы, слабо окатанных. В расположении этих нагроможде-

ний не наблюдается никакой закономерности. На этих холмах я находил постплиоценовые раковины, свидетельствовавшие о морской трансгрессии этого района. Трудно предположить, что эти нагромождения являются образованиями моренного характера. Быть может, это останцы коренной породы, подвергшиеся сильному физическому выветриванию» (1930, с. 1144–1145). Войцеховский успел положить большую часть острова на топографическую карту и даже отнаблюдать здесь астропункт.

Шмидт окончательно убедился в возможностях Визе как прогнозиста, хотя отметил убогость здешней природной обстановки: «Остров Визе нас разочаровал характером своей природы. Он дал некоторое представление о той унылости и суровости, которое мы должны встретить на Северной Земле... Установили на о. Визе астрономический пункт... На большей части острова произвели топографическую съемку... Спрашивается, имеет ли этот остров большое значение? Он сравнительно мало доступен, по-видимому, зверя там нет. Но географическое значение он имеет большое...» (1960, с. 78). С эстетической точки зрения этот низкий, сумрачный клочок суши в окружении безжизненных льдов, безусловно, проигрывал вершинам Памира под синевой азиатского неба в потоках солнечного света. Однако с точки зрения научного предвидения, определяющего достоинства исследователя, этот жалкий клочок суши посреди забитого льдом моря на самом краю известного людям мира, стоил многого. Достижение нашего ученого оказалось тем выигрышнее, что вскоре выяснилась – предвидение Гарриса таковым не является просто из-за отсутствия суши там, где она предполагалась. А прогноз Визе уже в обозримом будущем получил продолжение – вскоре были открыты и другие острова на общей узкой подводной возвышенности, протянувшейся в центре Карского моря по меридиану. В любом случае начальник экспедиции на этом примере оценил способности Визе в области прогнозирования на будущее, которое надолго оказалось общим для обоих.

Ледовая обстановка не позволила «Седову» выходить к Северной Земле напрямик, и судно было вынуждено спускаться к югу вплоть до 77° с. ш., а затем снова пробиваться во льдах к востоку в ожидании благоприятных южных ветров, которые на этот раз не заставили себя ждать. С выходом на чистую воду начались открытия неизвестных островов одного за другим. Днем 22 августа был обнаружен остров Исаченко, на который в связи с ограниченностью в сроках и предстоящей сложной задачей не стали высаживаться. При дальнейшем продвижении к востоку в ночь с 22 на 23 августа встретился еще один неизвестный остров, названный в честь капитана «Седова». В сложившейся ледовой обстановке легли курсом на север. На исходе 23 августа очередной неизвестный прежде остров получил имя Самойловича. Экспедиция 1930 года на «Седове» была последней, когда названия вновь открытым географическим объектам давали сами участники открытия, как правило, в честь причастных к этому лиц. Позднее подобная практика присвоения топонимов была пресечена и проводилась только согласно решения директивных или партийных органов с обязательным утверждением в местных советах.

Судно уже долгое время шло по белому пятну на карте, где не было совершенно отмечено глубин, что заставляло вахтенных и капитана Воронина действовать предельно осторожно, то и дело промеряя глубины, чтобы в самый неожиданный момент не оказаться в западне. Разумеется, это не могло не сказаться на состоянии экипажа. К постоянному нервному напряжению присоединились бесконечные миражи, словно Арктика любой ценой решила не допускать незваных гостей к своим тайнам.

«В своей подозрительности, – пишет О.Ю. Шмидт, – мы дошли до того, что уже перестали верить в наличие суши даже тогда, когда действительно появились острова. Мы подошли возможно ближе. Это были острова, причем они располагались все чаще один за другим на близком расстоянии. Это создало впечатление, что мы имеем дело с западным берегом

Северной Земли, которая является не одним большим островом, а группой отдельных островов, с узкими, издали мало заметными проливами. Но вопрос этот пока оставался открытым.

Если нет больших геологических различий между западным и восточным берегами, то можно думать, что и восточный берег не сплошной. Во всяком случае, на западном берегу имеется большая бухта, что подтверждает вероятность наличия здесь пролива.

Среди указанной группы островов предстояло выбрать место будущей станции» (1960, с. 80).

Повсеместно в пределах видимости на подходах к берегу оставалась полоса припая, шириной до двух километров. Сгоряча будущие североземельцы настаивали разгружаться прямо на него. Однако, судя по дневнику Визе, было принято другое решение. 24 августа «...с целью рекогносцировки на остров отправилась пешая партия во главе с О.Ю. Шмидтом. Окружавший остров припайный лед представлял собою чудовищные нагромождения торосов, и люди, даже без поклажи, пробирались по этому льду с большим трудом. О том, чтобы в оставшийся короткий срок перетащить по этому льду строительные материалы, не могло быть и речи... Г.А. Ушаков и Н.Н. Урванцев вернулись с рекогносцировки мрачные. Заветная мечта их – устроиться на Северной Земле на два года с целью ее детально исследовать – стоит под угрозой срыва...

25 августа. Вчера нам посчастливилось найти то, что мы искали небольшой, лишенный припая остров, к берегу которого ледокол мог подойти на расстояние полутора кабельтовых. Низменный остров (Домашний на современных картах. – В.К.), но зато условия выгрузки здесь идеальные. От места причала шлюпки до места, выбранного для постройки дома, всего только 30–40 метров. Кроме того, этот остров обладает рядом других преимуществ в отношении постройки на нем станции... До берега самой Северной Земли отсюда, кажется, тоже не близко, но с этим мириться можно. Во всяком случае, мрачное настроение у Г.А. Ушакова и Н.Н. Урванцева исчезло безвозвратно. “Деревня хорошая”, – решили зимовщики, как только высадились на берег...» (Визе, 1934, с. 72–76).

За шесть суток очередная полярная станция, или научная, база была построена. Оставалось время на короткую рекогносцировку к северу, результатом которой стало открытие 31 августа неизвестного острова, очертаниями напоминающего ледяной купол почти на 81° с. ш. Он был назван в честь начальника экспедиции. На пути к нему был выполнен гидрологический разрез. Дальше путь преградили непроходимые льды... По замечанию Визе, «...если мы до сих пор рисковали здраво, то дальнейшее пребывание в этих водах в столь позднее время года было бы уже безрассудным риском. Итак – домой!» (1934, с. 77).

Определенно в экспедициях 1929–1930 годов кругозор Отто Юльевича и его представление о возможностях Арктики на будущее менялись на ходу настолько, что его разговор с Визе представляется весьма показательным на будущее: «Отто Юльевич спросил меня сегодня, что я думаю о дальнейшей экспедиционной деятельности Арктического института. Я отвечал, что считаю необходимым распространить экспедиционные исследования дальше на восток, с целью разрешения основной проблемы Советской Арктики – вопроса о возможности практического использования Северного морского пути на всем его протяжении. Я не согласен с довольно крепко укоренившимся мнением, которое в особенности поддерживается морскими кругами, будто на этот вопрос следует поставить окончательный крест... с усовершенствованными техническими средствами можно выполнить то, что раньше не удавалось. Я не считаю возможным утверждать сейчас, что Северо-Восточный проход может быть использован для регулярного мореплавания, но полагаю, что категорическое отрицание этой возможности не имеет под собой почвы. Вопрос этот остается открытым, и поэтому его необходимо изучить. Думается, что время для его изучения настало – экономическое развитие всего советского Севера настоятельно требует его. Первым необходимейшим мероприя-

тием в этом направлении я считаю устройство станции в наиболее тяжелом в ледовом отношении участке Северного морского пути – на мысе Челюскина.

Отто Юльевич ответил, что вполне разделяет мой взгляд, почему решил включить в план работ Арктического института не только устройство станции на мысе Челюскина, но и организацию экспедиции Северо-Восточным проходом. К последнему проекту я присоединился полностью». (1934, с. 77–78). Определенно это был разговор единомышленников, причем с заключением устного союза о совместных действиях в значительной мере, как показало будущее, оправдавшихся.

Визе далее отмечает в своем дневнике: «6 сентября. Снова в Русской Гавани. Экспедиция идет к концу. Как только геологи и топографы закончат свои работы, идем в Архангельск...»

В дополнение к этому лишь отметим, что Шмидт предпринял попытку пересечь Новую Землю, которая не могла увенчаться успехом. По описанию участвовавшего в этом предприятии Муханова произвести более или менее достоверную привязку выполненного маршрута к реальной местности или современной карте невозможно. Можно лишь утверждать, что он проходил по восточной части ледника Шокальского. Скажем прямо, его научные результаты оказались скромными, наглядно продемонстрировав Шмидту ограниченные возможности таких спонтанных, попутных решений на местности, что ему было, впрочем, уже известно по Памиру.

13 сентября «Седов» возвратился в Архангельск, и, таким образом, вторая совместная экспедиция Шмидта, Визе и Самойловича благополучно завершилась. Последний, по возвращении из вояжа, наиболее полно описал научные результаты экспедиции в журнале «Природа» (№ 11–12 за 1930 год). Судя по этой статье Самойловича, наблюдения в морских экспедициях 1929 и 1930 годов носили комплексный характер, позволяли характеризовать как ландшафты, так и природные процессы, что, несомненно, является сильной стороной проведенных исследований. Самому Шмидту в обществе опытных полярников и заслуженных специалистов было чему поучиться. Кроме того, связывая на будущее свою судьбу с Арктикой, он знал на кого опереться.

Непростой вопрос, по мнению ветеранов Арктики, – собственно, кто кого выбирает? Молодой ли человек, впервые переступивший порог соответствующей организации и старающийся сохранить независимый вид под испытующим взглядом кадровика, или Ее Величество Арктика, убедившись в качествах очередного новобранца по окончании испытательного срока? Испытательный срок для героя настоящей книги был уже пройден, и, как показали ближайшие события, свой выбор он сделал.

На Земле Франца-Иосифа создан опорный научный пункт с большими перспективами на будущее, необходимый, прежде всего, для изучения изменений в энергоактивной зоне Арктического фронта на контакте теплых и холодных воздушных и водных масс. Создание такого же пункта наблюдений на Северной Земле позволяло судить о затухании природного процесса по мере удаления далее к востоку. Открытие острова Визе доказало высокий уровень науки о природных процессах в море, включая прогнозное направление. Было устранено обширное белое пятно на востоке Карского моря (несравнимое по величине с тем, что было сделано два года назад на Памире). При его ликвидации установлены западные пределы архипелага Северной Земли и открыто несколько новых островов, выполнен обширный комплекс гидрологических и метеорологических наблюдений. Другие наблюдения (гидрология суши, рельеф, геология слагающих пород, изучение морского дна и грунтов, геоботаника, животный мир, включая топографические съемки) стали значительным вкладом в географию Арктики, что в полной мере определилось в самом ближайшем будущем. Сама география высоких широт из науки о существовании неизвестных земель и морей все

более становилась наукой о природных процессах в условиях на грани жизни, приобретая тем самым особое значение для страны.

Для Визе экспедиции 1929–1930 годов подтвердили заслуженную славу специалиста в области ледового прогноза, значение которого становилось все более актуальным в связи с увеличением перевозок по Карскому морю. Его научный потенциал на будущее далеко не был исчерпан, и сотрудничество со Шмидтом выглядело достаточно перспективным.

Самойловичу экспедиции 1929–1930 годов позволили значительно расширить свой научный и полярный кругозор, поскольку он побывал в новых местах, получив тем самым материал для сравнения с районами, где он работал прежде. Однако сам он, похоже, испытывал двойственное отношение к происходящему. Пик его славы в связи с экспедицией на «Красине» к лагерю Нобиле летом 1928 года отошел в прошлое. Достигнутый уровень вполне устраивал Рудольфа Лазаревича, и прорыва в неизвестное будущее на шестом десятке лет (десятилетняя разница в возрасте по сравнению с «шефом» была вполне ощутимой) ожидать было трудно.

Шмидт собственное участие в двух своих первых арктических экспедициях оценил следующим образом: «Для меня походы 1929 и 1930 годов на борту “Г. Седова” были арктическим крещением – до этого я не бывал в Арктике. Хотя географические исследования меня интересовали издавна, но не могу утверждать, что мои мечты концентрировались именно на Арктике. Как бы то ни было, но, отправляясь на Землю Франца-Иосифа, я, конечно, не знал, что так горячо полюблю Арктику и что мне придется в течение многих лет служить моей Родине на этом изумительном поприще» (1959, с. 28).

На глазах многих бывалых полярников, ученых и моряков, буквально быстро рос и развивался масштабный руководитель нового типа, настоящий адмирал ледового плавания. Помимо деловой хватки, административного таланта и харизмы в глазах подчиненных, он обладал еще нужными связями «в верхах», чего не было у других (Визе, Самойловича, Урванцева и т. д.), а также готовностью к риску масштабных решений. Правда, ему пока не хватало специальных знаний, связанных с арктической природной обстановкой, однако теперь в его распоряжении был весь научный штат Института по изучению Севера во главе с директором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.